

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

КУРС

ИЛИ
ПРОСТИ,
ПРОЩАЙ

Владимир Григорьевич Колычев
Прости, прощай
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165002
Владимир Колычев. Прости, прощай: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25841-3*

Аннотация

Круто разошлись судьбы четырех сокурсников. Вильям и Яна поженились, потом развелись. Лиза вышла замуж за миллионера, покинула страну, после его смерти вернулась на родину. Егор попал в криминальную среду, устроил разборку с одним авторитетом. Но прошли годы, и судьбы сокурсников снова переплелись. И так тесно, что теперь в этом хитросплетении придется разбираться частному детективу. Вильям убит, и каждый из трех оставшихся у него на подозрении. Изучив их прошлое, сыщик понял, у кого причины для убийства самые веские. Но реальность оказалась непредсказуемой и шокирующей...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Владимир Колычев

Прости, прощай

Часть первая

Глава первая

Рабочий день профессора Гарварта начинался с чашечки кофе. Пил он его несладким, и вовсе не потому, что сахар вреден – просто так ему больше нравилось. Он пил, заряжаясь энергией на ближайшие два-три часа. Кондитерскую выпечку в таких случаях он не признавал – считал, что кофе с булочкой – это такое же святотатство, как песнопение в церкви под фонограмму.

На протяжении трех лет каждый день ровно в восемь часов двадцать пять минут он заходил в маленькую уютную кофейню в одной из старых улочек Москвы, без четверти девять заканчивал кофейную церемонию, три минуты ему хватало, чтобы попасть во двор старинного дома, где на правах аренды он владел двумя небольшими комнатками в подвальном помещении. Отдельный вход с торца дома – под коричневой черепичной крышей, решетчатая калитка, небольшой спуск по железобетонной лестнице, бронированная дверь,

открывающаяся двумя ключами. На то, чтобы справиться с замками, обычно уходило две минуты. Еще четыре минуты занимала подготовка к работе – вынуть из портфеля и положить в холодильник два бутерброда, завернутых в фольгу, смочить ветошь под краном и протереть вывеску над входом «Частное детективное бюро „Гамма“».

«Гамма» в понимании профессора Гарварта ассоциировалась не столько с третьей буквой греческого алфавита, сколько с множественным числом – гамма чувств, гамма красок... И люди, решившие обратиться к нему за помощью, должны были понять, что могут рассчитывать на услуги специалиста-универсала.

Три с половиной минуты профессор Гарварт уделял цветам в маленькой приемной – вздыхал по мере надобности землю в горшочках, поливал.

Три с половиной секунды он уделил своей внешности. Глянул на себя в зеркало, складной расческой пригладил элегантную щеточку усов в стиле Эрrolла Флинна, щелчком пальцев сбил соринку с лацкана пиджака.

Ему было сорок два года. Роста чуть выше среднего, в меру широкие и сильные плечи. Высокий массивный лоб, брови узкие, но густые и плотно сбитые – они тянулись до самой переносицы, сливаясь и с ней, и с самим носом, образуя фигуральное подобие крестовины боевого древнегреческого шлема. Маленькие плотные ушки, чем-то похожие на прилепленные к голове пельмени. Губы узкие – суровые, но

легко принимающие задумчиво-капризное выражение. Подбородок широкий и тупо срезанный, как штык большой саперной лопаты. Глаза – два потухших вулкана, жерла-зрачки черные, глубокие. Вулканы эти могли проснуться в любую минуту, пыхнуть жаром и плеснуть раскаленной лавой.

В одежде он предпочитал классический стиль. Темно-серый костюм в плохо различимую широкую полоску. Ладная фигура позволяла ему носить чуточку приталенный пиджак – с английским воротником, однобортный, на четырех пуговицах. Еще он носил фетровую шляпу, но не столько для форса, сколько для того, чтобы скрыть крупные залысины на голове, которые, впрочем, ничуть его не портили – придавали ему солидности, подчеркивали мужскую зрелость. Широкая трость с поперечным набалдашником из слоновой кости также имела сугубо практическое назначение – в случае дождя она легко превращалась в зонт.

Еще две минуты с небольшим профессор Гарварт устраивался за своим рабочим столом. И ровно в девять ноль-ноль на чистом листе своего еженедельника он вывел запись: «28 июня 2005 года от Р.Х. Начало рабочего дня». И замер в ожидании посетителей.

Если клиент появлялся, то профессор Гарварт начинал работать с ним, если нет, то ровно в одиннадцать часов он включался в текущую работу – розыск, слежка, наблюдение... Редко, но случалось, что работы было с избытком, но чаще всего он бездействовал по причине отсутствия таковой.

Сегодня был как раз такой случай.

За последний месяц к нему за помощью обратилось всего четырнадцать человек. И хотя Гарварт настаивал на собственной универсальности, одиннадцать из них получили вежливый, но категоричный отказ. Дело в том, что профессор не жаловал слежку за неверными супругами и даже на безрыбье не брался за нее. Также он отказывал в розыске домашних животных. Он предпочитал работу цельную, интересную: поиск пропавших людей, расследование пусть и мелких, но преступлений. Он был глубоко убежден в том, что лучше простой в работе и упущенная выгода, нежели сутная возня в скорлупе выеденного яйца...

Когда Гарварту нечем было заняться, он мог часами сидеть на своем месте в ожидании клиента – как паук на паутине в предвкушении сытной встречи с зазевавшейся мухой. У него не было помощников, он экономил на секретарше, поэтому никто не мог нарушить его покой. Телевизор в его кабинете был выключен, радиоприемник также не работал, часы на столе были электронными – без тикающих ходиков, сплит-система отключена. Поэтому тишина вокруг него была такой густой, что казалось, по ней можно плыть, проталкиваясь вперед движением рук...

На электронном табло высветилось двенадцать часов пятьдесят девять минут, когда тишину в кабинете нарушила соловьиная трель. Ипполит Гарварт нажал на клавишу дистанционного пульта, и на экране телевизора высветилась

картинка с камеры наружного наблюдения. К нему пожаловал посетитель – пожилая женщина с высокой прической, мода на которую прошла еще лет двадцать назад. Высокий морщинистый лоб, массивные очки с цепочкой на шее, двойной подбородок с кручеными волосками на нем, расплывшаяся фигура, на которую, как чехол на машину, был натянут закрытый сарафан из темно-серой плотной материи на толстых бретелях. Шиньон на голове держался с помощью открытой заколки с блестящими камушками, на ушах массивные золотые сережки ей под стать, но с более крупными камнями. Возможно, это циркон и фионит, а может, настоящий бриллиант. Профессор Гарварт разбирался в драгоценностях и мог отличить настоящие бриллианты от искусственных, но только с очень близкого расстояния. Именно это он и намеревался сделать, нажимая на кнопку, которая привела в действие механизм открывания дверей.

Женщина была очень полной, но шла уверенно, прямо, не переваливаясь с бока на бок, как толстая утка. Гордо несла свою отягощенную жирным подбородком голову. Не здороваясь, прошла в кабинет и села на стул за приставным столиком. Ипполит Гарварт глянул на ее заколку и сережки. Ему хватало и расстояния, и освещения, чтобы рассмотреть их.

– Конец девятнадцатого века, авторская работа питерских мастеров.

Он не был уверен в своих выводах, но говорил твердо, как человек, убежденный в своей правоте.

– Что, простите? – недоуменно глянула на него женщина.

– Заколка и сережки у вас знатные, говорю, старинной работы.

– Ах да... Конец девятнадцатого века, Петербург... Я к вам по делу...

– Всегда рад. Но с часу дня у меня обеденный перерыв. – Ипполит с сожалением показал на часы.

В отличие от других московских контор, его частное бюро начинало работать в девять часов, а не в десять. С девяти до восемнадцати. Поэтому он мог позволить себе перерыв. И совсем неважно, что до тринадцати часов у него совершенно не было работы. Распорядок дня – это свято. И то, что клиент мог отказаться от его услуг, Ипполита вовсе не смущало. Обед есть обед.

– Но у меня дело... – начала было женщина.

– А у меня обед.

Он поднялся со своего места, мягко, но безапелляционно взял ее под руку и обозначил движение в сторону дверей.

– Можете подождать меня в приемной. Или погулять.

– Лучше я обращусь в другое агентство!

Женщина протестующее надула щеки, но Ипполита это не тронуло.

– Ваше право.

Обед его был таким же незатейливым, как и вся его холостяцкая жизнь. Суп из пакетика, сваренный на электрической плите, чай с бутербродами. Покончив с трапезой, он вы-

ждал еще четырнадцать минут и открыл дверь в приемную.

Оказалось, что женщина не ушла. Она сидела на мягком стуле в терпеливой позе, сложив руки на коленях. Увидев появившегося в дверях Гарварта, гневно раздула ноздри.

– Прошу!

– Не густо у вас с клиентами, – принимая приглашение, насмешливо заметила она.

Ипполит пропустил колкость мимо ушей.

– Слушаю вас, – опускаясь в кресло, важно сказал он.

– Станный вы человек...

– Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы сказать мне об этом?

Ипполит и сам замечал за собой некоторые странности. Но, как всякий мудрый человек, не придавал им значения.

– Нет. Как личность вы меня совершенно не интересуете... Скажите, а почему вас называют профессором?

– Потому что я профессор.

Ипполита ничуть не обескураживало то обстоятельство, что у него не было ученых степеней. Шестнадцать лет назад он закончил юридический институт, но никогда не преподавал в нем. И уж точно не имел никакого отношения к знаменитому Гарвардскому университету. Работал юрисконсультom на заводе, звезд с неба не хватал. А профессором он стал благодаря одному своему институтскому другу, который в середине смутных девяностых годов основал академию экстрасенсорных наук. Ипполит принял самое деятельное уча-

стие в становлении этого заведения, многому научился сам, кое-чему научил других. Сначала он получил степень магистра, а затем и профессора этой академии. Конечно же, он понимал, что это звание – чистой воды фикция. Но ему нравилось называться профессором. А то, что это звание умножало его уверенность в себе, служило ему безусловным по своей важности оправдательным мотивом.

– Профессор кислых щей?..

– Во-первых, я предпочитаю щи из свежей капусты. А во-вторых, заведение у нас частное, – спокойно, не моргнув глазом, отреагировал Гарварт. – И ответы на вопросы частного порядка оплачиваются строго по прейскуранту. И то лишь после того, как я возьмусь за ваше дело... Если возьмусь.

– Уж будьте любезны, – не без сарказма сказала женщина.

И вдруг изменилась в лице. Губы изогнулись в скорбной подкове – уголками вниз, – на глаза навернулись слезы. Хлюпнув носом, она полезла в свою сумку за платком. Ипполит подумал, что она смахнет им слезную мокроту на глазах, а она приложила его к носу и смачно высморкалась. И только после этого трагическим тоном сообщила:

– У меня погиб сын.

– Сочувствую.

– В милиции считают, что он сам себя убил.

– Суицид?

– Нет. Отравление наркотиками.

– Передозировка?

– Пусть будет так.

– Он был наркоманом?

– Нет... То есть да... То есть был...

– Да или нет?

– Да... То есть нет... Он уже два года совершенно не употреблял...

– Завязанный узелок иногда развязывается.

– Что, простите?

– Бывших наркоманов не бывает. Наркоман может завязать, но рано или поздно он развяжет...

– Но я уверена, что мой сын... э-э, не развязывал, как вы говорите...

– Тогда как же могло произойти отравление наркотиками?

– Кто-то помог ему с этим.

– Кто?

– Не знаю.

– У него есть враги?

– Нет. То есть да. То есть не совсем враг. Но и не друг...

– А точнее?

– Его жена. Из-за нее все беды...

– Какие беды?

– Вильям очень ее любил, а она... – Женщина всхлипнула, приложив к мокрым глазам платок.

– Что она?..

– Она не хочет быть с ним. Он уговаривает, а она нос от него воротит...

– Это не повод обвинять ее в убийстве.

– Никто не обвиняет... Но ведь все может быть.

– Она знала о его пристрастиях к наркотикам?

– Да! Конечно!.. Я даже больше скажу, из-за нее он к ним

и пристрастился...

– Она употребляет наркотики?

– Нет... Но, может быть... Я давно ее не видела...

– Что она собой представляет!

– О! Она ужасная женщина!.. Вышла замуж за Вильяма, потому что у него было все – квартира, машина, образование. Она никогда его не любила. И не ценила... А знаете, как она умела паинькой прикидываться? Одно время даже я всерьез думала, что лучшей жены Вильяму не найти... Но время, сами понимаете, не только лечит, но и вразумляет... Сейчас-то я знаю, что это за бестия...

Гарварт понял, что женщина на эту тему может говорить бесконечно. Типичное отношение свекрови к невестке – пока не свернет ей *кровь*злыми наветами, не успокоится.

– Давайте пока оставим этот разговор. Сначала докажем, что вашего сына убили, а потом уже перейдем к личностным качествам его супруги... Итак, если можно, по порядку. Когда умер ваш сын?

– Не умер, а погиб.

– Возможно.

– Это случилось на прошлой неделе, в пятницу, двадцать четвертого июня...

– Сегодня двадцать восьмое июня, вторник. Четыре дня. Не мало. Но и не много. Заключение о смерти вы не получили.

– Нет. Откуда вы знаете?

Смерть от передозировки – в любом случае криминал, даже если она наступила по вине потерпевшего. Предварительное расследование, углубленная судмедэкспертиза, все такое прочее – а это время. Может неделя пройти, а то и две, прежде чем родственники умершего смогут получить на руки свидетельство о смерти, чтобы затем предать тело земле или печи в крематории... Но распространяться об этом Ипполит Гарварт не стал. Он не бюро вопросов и ответов.

– Где находится тело?

– Судебно-медицинский морг номер шесть, на Госпитальной площади... Вы хотите осмотреть его?

– Да. Но сначала я должен знать, что именно вам нужно. Доказательства того, что ваш сын погиб не по своей вине? Или найти убийцу?

– Найти убийцу!

– Тогда начнем с того, каким образом он погиб. Это будет первый этап работы. Если смерть насильственная, приступим ко второму. Если нет, на том и остановимся.

– И сколько все это будет стоить?

– Первый этап – пятнадцать тысяч.

– Пятнадцать тысяч долларов?! – Женщина возмущенно округлила глаза.

– Почему долларов? Разве мы в Америке живем? Пятнадцать тысяч рублей.

– Но и это много!

Ипполит Гарварт сделал скучное лицо, взгляд принял отсутствующее выражение. Торговаться он не любил, во всяком случае, когда выступал в роли продавца услуг.

– Хорошо, пусть будет пятнадцать тысяч. Но это если вы докажете, что Вильяма убили...

– А если нет?

– Тогда ничего.

– Я так понимаю, в милиции считают, что ваш сын умер по собственной вине.

– Да, они так считают. Но это потому, что они не хотят работать.

– Вот и не платите им за то, что они не хотят работать. И со мной все просто, вы не платите мне – я не работаю.

– А если плачу, то работаете.

Движением бровей Гарварт показал, что да, именно по такому принципу и движутся дела в его частно-розыскной епархии. Ведь не только его телегу нужно подмазать, чтобы она поехала. Он лицо частное, а должен взаимодействовать с государевыми людьми. Такой механизм точно не будет работать без хорошей смазки.

Римма Борисовна, как звали женщину, поняла все правильно. Профессор Гарварт заполнил бланк договора, выписал квитанцию на пять тысяч рублей в качестве аванса. И

приступил к делу.

Глава вторая

Дежурный патологоанатом в морге внимательно слушал профессора Гарварта, понимающе кивал. Он был неестественно бледен, а белые руки отливали нездоровой синевой. Складывалось впечатление, будто он сам только что встал со стола в покойницкой. Но ловкость, с какой он снял с руки Ипполита пятисотенную купюру, навела на мысль, что врач скорее жив, чем мертв. А вторая, того же достоинства, бумажка и вовсе оживила его – даже лицо слегка порозовело.

– Да, да, есть такой, Крупнышевский Вильям Филиппович... С ним все ясно...

– Что ясно?

Врач покопался в документах, извлек оттуда лист бумаги.

– Вот протокол вскрытия. Токсическая кома. Отек мозга. Признаки острого повреждения нейронов в стволе... Типичная передозировка опиатами... Смерть наступила приблизительно в интервале от девятнадцати ноль-ноль минут до девятнадцати тридцати. Но это не суть важно... В общем, дозу героина не рассчитал...

– Героин?

– Скорее всего.

– Героин, как правило, вводят через вену. Я могу осмотреть труп?

– Если с нервами все в порядке, пожалуйста.

Ипполит не считал, что нервы у него железные. Но в мертвецкую вошел без страха. Он воспринимал трупы как нечто неизбежное. Смерть безобразна, но естественна как сама эволюция. Известно же, что на земле стопроцентная смертность...

Большинство трупов лежали в обычной камере, но труп Крупнышевского находился в холодильнике. Дежурный патологоанатом позволил профессору Гарварту обследовать его.

Вильям Крупнышевский соответствовал своей фамилии, как и его мать, Римма Борисовна. Крупный мужчина. Жирное тело, безобразный разрез через грудную клетку и живот – след недавнего посмертного вскрытия. Ипполит обратил внимание на его правую руку. На локтевом сгибе он обнаружил характерные точки, которые остаются после уколов в вену. Четыре точки. Это значило, что Вильям уже делал себе уколы до того, который стал для него последним.

Картина действительно ясная. Бывший наркоман Крупнышевский сорвался, но неправильно рассчитал дозу, что и послужило причиной смерти...

Профессор Гарварт недоуменно пожал плечами. Возможно, Римма Борисовна и состоятельная женщина, но все равно пятнадцать тысяч на дороге не валяются. Зачем она пожертвовала ими, если точно знала, что ее сын умер по своей вине? Милицейский следователь должен был видеть множественные следы от уколов, должен был указать ей на них. Да

и она знала, что Вильям был наркоманом... Зря она согласилась оплатить независимое расследование.

* * *

Профессору Гарварту было все ясно, но все же он встретился со следователем милиции Чоховым. Молодой лейтенант, внешне самоуверенный, но нерешительный изнутри. Несмотря на заметную разницу в возрасте, на Ипполита он смотрел с ехидцей, сверху вниз. Но при этом легко шел на контакт с ним. Даже денег не потребовалось, чтобы разговаривать с ним.

– Да типичный наркоман, – провел он рукой так, будто подводил итоговую черту.

– Кто обнаружил труп? – мягко, но уверенно и даже с легким начальственным напором спросил Гарварт.

– Случайно обнаружили. Соседка шла, смотрит, дверь приоткрыта. Заглянула, а там труп в прихожей...

– В прихожей? Он что, в прихожей укололся?

– Нет, шприц в комнате лежал. С его пальчиками... И жгут там же был... А на кухне, у газовой плиты, ложка была, в которой он раствор готовил... А ты что, в чем-то сомневаешься?

– Нет. Но хотелось бы поставить точку, а не многоточие...

– Точка там. Однозначно, жирная точка... Он же в этой квартире вертеп устроил... И кололся там, и баб туда тас-

кал... Трусики женские в мусорном ведре нашли, презервативы. Это вперемешку с использованными шприцами... В общем, вел разгульный образ жизни...

– Соседка когда труп обнаружила? – повинуюсь какой-то интуиции, спросил Гарварт.

– Это я тебе сейчас точно скажу. Сам лично ему глаза закрывал... Слеза у него с глаза скатилась. Одна-единственная, но была. Соображаешь?

– Не очень.

– Роговица у него еще не высохла, поэтому и слеза была. Значит, не больше часа прошло...

– А в каком часу его обнаружили?

– Какой ты приткий! Ты что, допрашиваешь меня?

– Нет.

– Скажи спасибо, что я вообще разговариваю с тобой. А ведь некогда мне...

Лейтенант поднялся, взглядом указывая на дверь: дескать, и честь пора знать.

– Спасибо, – поднимаясь вслед за ним, поблагодарил его Ипполит.

– Тогда всего хорошего!

Следователь открыл ему дверь, но сам выходить из кабинета не стал. Видно, наврал, что куда-то спешит. Создал предлог, чтобы избавиться от малоинтересного собеседника. Профессор Гарварт его понимал. Был бы он представителем серьезной правоохранительной структуры, сопливый лейте-

нант не стал бы выставлять его за дверь. А он всего лишь частный детектив.

Дверь в кабинет закрылась, но стоило Ипполиту сделать несколько шагов, как открылась снова.

– В девять вечера труп обнаружили, – высунув голову, бросил следователь и скрылся в дверях.

А профессор Гарварт застыл как вкопанный. Согласно протоколу вскрытия Вильям Крупнышевский умер в районе девятнадцати часов. А если верить следователю, то смерть наступила в районе двадцати. Хоть и небольшая, но все же накладочка. И он, как человек пунктуальной точности, не мог позволить себе пренебречь ею.

* * *

Ипполиту повезло. Не прошло и часа после встречи со следователем, как он уже разговаривал с Юрием Павловичем Борщевиком, судмедэкспертом, осматривавшим труп Крупнышевского на месте события. Это был сухопарый мужчина средних лет. Белки глаз с нездоровой желтизной, желтушное лицо. Глядя на него, можно было судить о том, что у него большие проблемы с печенью. И, общаясь с ним, можно было сделать вывод, что переполнявшая его желчь выходит наружу не только с мочой, но и со словами. Скипидарный характер у мужика. Может, потому он и от предложенных денег отказался, чтобы повредничать в свое удовольствие.

– Ну нестыковка, и что? – раздраженно бухтел он. – Что девятнадцать часов, что двадцать – какая разница? Ясно же, что с героином перебрал, оттого и помер...

– Ну а вы как считаете, когда он умер?

Ипполит пристально смотрел на этого мухомора, мысленно удерживая его голову в нужном положении. Он обладал даром гипноза, но пользовался им только в тех случаях, когда невозможно было разговаривать человека иным способом. При большом желании он мог ввести эксперта в самый настоящий гипнотический транс, но в данном случае это было лишнее. Легкое воздействие на уровне психологического восприятия.

– Когда, когда... Скорее, в девятнадцать, чем в двадцать часов. Я труп осматривал, на ягодицах трупные пятна обозначились... Но это не имеет значения.

– Значит, два часа прошло с момента его смерти. А как же слеза? За два часа роговица бы высохла...

– Ну, может, физиологическая особенность такая, что глаза не высохли, – пожал плечами мужчина.

– Может, особенность. А может, что-то другое... Вы не могли бы составить запрос – пусть проведут дополнительную токсикологическую экспертизу...

– Почему не могу? Могу.

Он не стал выяснять, кто такой профессор Гарварт, чтобы ставить ему задачи. Верный признак того, что Ипполит поставил его в психологическую зависимость от своей воли.

Интуиция подсказывала, что зря он это сделал. Но не всегда интуиция – хороший советчик, чаще она становится тормозом в работе...

* * *

– Могу вас поздравить, – безотрадно усмехнулся лейтенант Чохов. – Задали вы мне работы, гражданин-товарищ частный детектив...

Уже одно то, что лейтенант обращался к Ипполиту на «вы», указывало на его изменившееся к нему отношение. Интерес к нему появился, и, похоже, не совсем здоровый.

– Если я правильно вас понял, гражданин Крупнышевский умер не своей смертью.

– Точно сказать не могу. Но факт насилия над ним точно был. Знаете, что за слеза была, которую я видел? Осадок нервно-паралитического газа. Кто-то из баллончика в него брызнул...

– Кто?

– Говорю же, задали вы мне работы. Теперь надо искать, кто это сделал. Как будто у меня других дел мало...

– Значит, все-таки насильно героин вкололи.

– Может, и насильно. А может, он прочухался после газа да вкатил себе дозу сам...

– Сделал себе укол не моргая? Чтобы слезу газовую ненароком не смахнуть?..

– Да уж... Чувствую, не отвертеться мне от этого дела.

Ипполит молча пожал плечами. Хочет лейтенант заниматься розыском убийцы или нет – этот вопрос волновал его сейчас меньше всего.

– Вы говорили, что он снимал квартиру, кололся, водил девочек.

– Судя по всему, да. Шприцы, женские трусики, презервативы...

– Шприцы, я так понял, использованные.

– Да, пять шприцев...

– И как долго не выносился мусор?

– Да дня три, не меньше. Завонялось там все...

– Значит, пять шприцев...

– Да еще один на столике, в гостиной. Рядом со жгутом...

Итого – шесть...

– А на руке у покойного было всего четыре укола...

– Не обратил внимания... – озадаченно нахмурился лейтенант. – Может, он в ногу кололся?

– Я не специалист по наркотикам. Но мне кажется, что наркоман не будет колоться в ногу, если на руке еще есть место...

– Ну почему? Бывает, колются, чтобы на руке не было видно.

– Но тогда руку совсем не трогают. А у него четыре укола...

– Логично... Может, и женщина, которая с ним была, ко-

лолась?..

– Она же могла опрыскать его из баллончика.

– Запросто... Значит, шерше ля фам, как говорят французы... Будем работать, будем искать женщину... Спасибо вам, Ипполит... э-э...

– Илларионович.

– Спасибо вам, Ипполит Илларионович... Если вдруг что, обращайтесь.

– Мне бы еще поговорить с вами по поводу возможного убийства. Вы были на месте, вы видели, как там и что...

– А вы не ломайте голову, – высокомерно усмехнулся Чохов. – Предоставьте это неблагодарное дело нам, следователям уголовного розыска. И поверьте, мы обязательно найдем и возьмем убийцу...

– Как скажете, – недовольно пожал плечами профессор Гарварт.

И, не прощаясь, вышел из кабинета.

Настаивать на сотрудничестве он не стал. Не было пока в этом смысла: он еще не знал, захочет ли мать покойного платить деньги за дальнейшее расследование. Ведь в розыске убийцы она может довериться сотрудникам уголовного розыска, которым, похоже, не остается ничего иного, как заняться этим. И работать они будут бесплатно.

Глава третья

Профессор Гарварт не ошибся в своих прогнозах. Римма Борисовна позвонила ему, поблагодарила за хорошую работу, пообещала донести десять тысяч из пятнадцати. О том, что убийцу нужно найти, – ни слова.

Прошла неделя, вторая, а о Римме Борисовне ни слуху ни духу. Ипполит сам собирался звонить ей, когда к нему пожаловала одна интересная особа. Это была пригожая, тщательно ухоженная и стильно одетая женщина лет тридцати пяти. Она не выглядела моложе своих лет, но уровень ее сексуальной притягательности был настолько высок, что морщинки вокруг ее глаз казались достоинством, но никак не упущением. А сами глаза были верхом совершенства. И волосы... Сначала Ипполит решил, что это роскошный парик, но, всмотревшись в них более тщательно, забрал свое предположение обратно. Это были самые настоящие волосы – густые, гладкие, темно-русого цвета, с глубинным сочным блеском. Минимум косметики, максимум обаяния.

– Здравствуйте, мне нужен профессор Оксфорд.

У нее был столь дивный голос, что он готов был простить ей допущенную оплошность.

– Гарварт. Профессор Гарварт, – делая особый упор на последнюю букву, поправил ее Ипполит.

– Прошу прощения. Меня зовут Яна Дмитриевна, фами-

ля Крупнышевская.

– Гарварт. Ипполит Илларионович.

Теперь он знал, с кем имел дело. Жена покойного Вильяма Крупнышевского.

– Вот, пожалуйста...

Из маленькой изящной сумочки она достала конверт с деньгами, положила на стол.

– Римма Борисовна должна была вам передать. Но она приболела, сама не смогла прийти... Спасибо вам, что разобрались в деле. Я ведь тоже думала, что смерть Вильяма была не случайна...

Она была в строгом летнем костюме светло-серого цвета. И в синих, как небо, глазах угадывались скорбные тучки. Но не было на ней траурного платка или повязки. Ипполит знал случаи, когда вдовы покойных в знак траура на лацканах своих дамских жакетов носили маленькие черные цветочки. Но на женщине не было и этого. Как не было и обручального кольца, что само по себе почти ничего не значило. Она его могла снять с пальца правой руки, взять небольшую паузу, чтобы затем надеть на левую. Пауза могла и затянуться, поэтому кольца нет вовсе.

– Вы смотрите на меня с осуждением, – заметила женщина.

– Нет, – качнул головой Ипполит.

– А мне кажется, что да.

– Если я сказал нет, значит, нет.

- Вы не очень любезны, профессор Гарварт.
- Черта моего характера.
- Черта или недостаток?
- Не люблю, когда лезут ко мне в душу...
- Извините.
- И я вас извиняю.
- За что?
- За то, что не носите траур по мужу.
- Вот оно что!
- Здесь я вам не судья.
- Но Вильям не мой муж...
- А фамилия?
- Мы были женаты, но недолго...
- Ваша свекровь не говорила про развод...
- Тогда вам об этом скажу я.
- Она сама прислала вас ко мне? Или вы пришли по собственной воле?
- Чем вызван этот вопрос?
- Обычным интересом.
- А мне кажется, вы меня в чем-то подозреваете, – хмуро посмотрела на него женщина. – Что вам наговорила Римма Борисовна?
- Это не имеет значения.
- Имеет значение то, что вы не очень хорошего мнения обо мне.
- Мое мнение – это мое мнение, оно умрет вместе со

мною. А ваш муж уже умер. Или, вернее, погиб... Вам интересно знать, кто его убил?

– Хотелось бы узнать. Может, поэтому я к вам и пришла.

– Признаться, я не в курсе, как идет официальное следствие по этому делу.

– Боюсь, что следствие зашло в тупик.

Ипполит позлорадствовал в душе, ничуть в том не каясь. Но виду не подал. Его лицо, как обычно, оставалось непроницаемо спокойным.

– Почему?

– Я так поняла, что не могут найти женщину, которая была с Вильямом.

– А кто мог с ним быть?

– Не знаю... Но что женщина – запросто...

– Какая женщина? Случайная или что-то серьезное?

– Не знаю... Мне, наверное, уже пора.

– Теперь я вижу, что вам неинтересно знать, кто убил вашего мужа.

– Бывшего мужа, – уточнила Яна Дмитриевна.

– Пусть бывшего.

– Я уверена, вы подозреваете меня в убийстве – нахмурилась она.

– Как? – не меняя своего положения в кресле, бесстрастно спросил Ипполит.

– Мне кажется, вы меня подозреваете...

Он внимательно всмотрелся в сидящую перед ним жен-

щину. Она волновалась. Это можно было объяснить страхом перед разоблачением. Но это вовсе не доказательство того, что убила она. Это мог быть страх перед неправильными выводами против нее. Вдвойне обидно, когда ты не виновен, а тебя засыпают шишками. И втройне обидно, если ложное обвинение заканчивается тюремным сроком... Но страх мог быть и обоснованным страшной реальностью. Даже бывшим супругам есть что делить, выяснение отношений между ними может привести к смерти одного...

– Скажите, вы употребляете наркотики? – достаточно жестко спросил он.

– Как вы сказали?! – возмущенно встрепенулась женщина. – Наркотики?! Да никогда в жизни!

– А ваш муж, я так понимаю, употреблял.

– Бывший муж.

– Я имею в виду тот период, когда он был вашим мужем.

– Да, употреблял...

– Поэтому вы и развелись?

– Это, конечно, могло послужить причиной развода. Но развелись мы вовсе не по этому.

– А по какой причине, если не секрет?

– Секрет. Есть вещи, о которых женщине моего положения рассказывать не следует.

– А каково ваше положение?

– Надеюсь, выше среднего.

– Чем вы занимаетесь?

– У меня свой бизнес. Дела идут хорошо...

– Уверен, что это так. У вас вид успешной женщины.

– Спасибо.

– Это не комплимент. Это скорее противовес. Вы успешная женщина, а ваш бывший муж – неудачник. Или нет?

– Да, неудачник. Всегда был неудачником. Потому что никогда не стремился к удаче... Я бы не хотела об этом говорить. И вообще, у меня есть алиби. В момент убийства я находилась на работе, моя секретарша может это подтвердить. И она уже подтвердила, в милиции. И не только она...

– Обидно, когда подозревают. Обидно оправдываться.

– Да, если Вильям хотел поставить меня в неловкое положение, он этого добился...

– Я не думаю, что он хотел умирать...

Гарварт был спокоен, лицо ничего не выражало, глаза тускло поблескивали. Но где-то глубоко в нем, как в атомном реакторе на дне океана, энергия сыскного любопытства крутила турбины сознания. Он смотрел на свою гостью, пытаюсь уловить вихревые токи, индуцированные брожением мысли в ее голове.

– Мне совсем не нравится, как вы на меня смотрите, – недовольно сказала она.

Она возмущалась, порываясь уйти, но словно какая-то невидимая сила держала ее на привязи.

– Извините, – изобразил смущение Ипполит. – Просто мне очень нравится ваше лицо.

– О-очень хорошо! – мятежно протянула она. И как будто опомнившись: – Только лицо?

– Нет, мне нравится все. Но рисовать я бы хотел ваше лицо...

– Рисовать?

– Да. Простым карандашом. Простой рисунок. Очень быстро... Давайте попробуем?

Он знал, что говорил. И рисовать он умел. Простым карандашом, на мелованной бумаге. Нижний ящик его стола забит был такими рисунками, но показывать их посетительнице он не стал. Вряд ли ей захочется, чтобы ее портрет пылился среди множества других.

– Вы очень странный, профессор Оксфорд.

– Гарварт... Вы будете мне рассказывать, а я буду вас рисовать...

У каждого свои странности, мысленно заметил он. У каждого своя методика работы. К тому же Яна Дмитриевна была одной из немногих клиентов, чью красоту хотелось перенести на бумагу по велению души, а не по долгу службы.

– О чем рассказывать?

– Мне бы хотелось побольше узнать о вашем бывшем муже.

Ипполит глянул на часы. Двадцать минут четвертого пополудни, до шести вечера еще есть время. Открыл средний ящик стола, достал оттуда лист бумаги, коробочку с остро заточенными карандашами.

– Вы это серьезно?

Голос ее раздраженно дрожал, но удивление в глазах безоблачное.

– Вы куда-то спешите?

– Да, в общем-то, нет.

– Вы же хотите знать, кто убил вашего бывшего мужа...

Он уже очертил мысленно контур ее лица, мысленно положил его на бумагу, сделал первый штрих.

Он спрашивал, она отвечала, а карандаш, лаская слух и убаюкивая сознание, шуршал по бумаге. И движение руки очень походило на завораживающие пассы...

* * *

Комната в общежитии была двухместной. Просторно, тихо, аккуратненько и уютно. Но с появлением Лизы все изменилось – пространство сжалось в овчинку. Нет, она не была большой и толстой, как Роза Малышева из соседней комнаты. Среднего роста, худенькая, изящная и очень даже миленькая. Но жизненная энергия билась из нее ключом, не позволяя ей хотя бы на минуту остановиться, не говоря уже о том, чтобы присесть.

– Привет, я Лиза. Меня к тебе в комнату поселили... Куда это можно поставить?

Яна растерянно пожала плечами, не зная, куда можно поместить кадку с пальмой, которую Лиза прижимала к себе

левой рукой. Впрочем, она и не ждала ответа. Поставила дерево прямо на тумбочку возле свободной кровати.

– Уфф!..

Тяжелая и неудобная пальма была лишь частью ее поклажи. В правой руке она держала большую спортивную сумку, а под мышкой внушительных размеров импортный магнитофон. Голубенькая занавеска с треском сдвинулась в сторону, и чудо японской техники взгромоздилось на подоконник. И сумка с шумом упала на пол.

– Ты какую музыку любишь? – спросила Лиза.

И нажала на клавишу, не дожидаясь ответа, в котором вовсе не нуждалась. И понеслось из колонок «You're My Heat, You're My Soul...». Яна облегченно вздохнула: «Модерн Токкинг» ей нравился. А ведь Лиза могла поставить и тяжелый рок, который она терпеть не могла.

– Где здесь можно руки помыть?

Яна только руку подняла, чтобы показать, где находится санузел, а Лиза уже была там.

Она подошла к пальме. Ствол высотой в человеческий рост, густо покрытый остатками отмерших листьев; темно-зеленые блестящие листья, крупные, глубоко рассеченные...

– Трахикарпус Форчуна, японская веерная пальма, – без особых, казалось бы, усилий перекрикивая довольно-таки громкую музыку, пояснила Лиза.

Яна слегка вздрогнула от неожиданности. Она-то думала,

что соседка до сих пор в туалете, а она уже совсем рядом, за спиной, справа... нет, уже слева... снова справа... «Фигаро здесь, Фигаро там...» Яна поняла, что у нее закружится голова, если она будет наблюдать за ее перемещениями в пространстве.

– Захочешь купить, закопаешься искать. Дефицит... Ну, мне так сказали...

С грохотом открылся верхний ящичек тумбочки, Лиза небрежно бросила туда модную косметичку, пакет с бигуди, лак для волос, шампунь в красивом флаконе. Зеркало на подставке она установила поверх тумбочки, рядом же встала упаковка духов – дорогой и дефицитный «Кристиан Диор». Лиза торжествующе глянула на Яну, в глазах немой вопрос: «Завидуешь или нет?»

Но Яну не очень-то интересовала мода – взгляд ее остался неподдельно равнодушным. И этим она, похоже, разочаровала Лизу.

– А ты сама откуда... э-э, забыла, как тебя зовут...

– Как ты могла забыть, если не спрашивала? – насмешливо повела бровью Яна.

– Не спрашивала?.. Извини, впопыхах забыла...

– Яна меня зовут... Как же ты все это донесла? – кивком головы показав на пальму, спросила Яна.

– Уметь надо... Э-э, помогли мне... Мужчина мой... Он меня подвез, на своей «Волге», он у меня большой человек...

Лиза загадочно улыбалась, но за ее внешним торжеством

угадывалась тоска брошенной женщины. Хотя, казалось бы, откуда могла взяться такая тоска при ее-то внешних данных. Хорошенькая блондинка с фигурой профессиональной манекенщицы, одета лучше некуда: джинсы – последний писк моды, шелковая блузка с воротничком-стойкой и галстучком. Волосы жидковаты, но красиво уложены в прическу; чересчур густо и приподнято подведенные глаза, ярко накрашенные пухлые губки.

– Я у него жила, – распахнув створки шкафа, сказала она. – У него квартира рядом с Кремлем, красота!.. Он в Японию уехал, консулом...

– И пальма японская, – вслух заметила Яна.

– Ну правильно, он же мне ее и подарил... Вернее, отдал. Ну, чтобы я ухаживала за ней... Он через год вернется, меня к себе заберет, вместе с пальмой... Так что на втором курсе ты без меня будешь жить...

Яна пожала плечами. Ей подумалось, что без Лизы она не пропадет. Почти две недели она жила здесь одна, и ничего, не умерла со скуки... Но раз уж послал ей комендант соседку, надо принимать это как должное. Даже в гостиницах подселают, а это студенческое общежитие, здесь могут и третьего жильца, сверх нормы, подселить... Тьфу, тьфу, тьфу...

– А ты в какой группе? – спросила Яна.

– Как – в какой? – удивилась Лиза. – Вместе с тобой... Меня потому к тебе и подселили...

– Так занятия уже четыре дня, а я тебя впервые вижу...

– Такая вот я прогульщица... Проблемы у меня. Были. Сейчас в порядке все. И с деканом все улажено... Как говорится, все схвачено, за все заплачено... Какая у вас тут программа? – взбудораженно спросила Лиза.

– Ну, обычная программа, для первого курса, математика в основном, физика...

Яна училась в педагогическом университете, на физико-математическом факультете. Про Лизу она пока этого сказать не могла. Эта стрекоза только собиралась начать учиться.

– Да нет, я не про то... Дискотеки у вас тут есть или только намечаются?

– Есть дискотеки, – кивнула Яна. – В студенческом клубе, по пятницам и субботам...

– И как там, весело? – оживленно спросила Лиза.

– Не знаю, я там не была...

– Ну да, учебный год только начался. Завтра пятница, пойдем?

– Не хочу. Неинтересно, – спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся сказала Яна.

– Шутишь? – удивленно вытаращилась на нее Лиза. – На дискотеке? Не интересно?.. Да, ты мне так и не сказала, откуда ты.

– Из Куйбышева.

– Это где-то на Оке, – бойко и уверенно, с видом знающего человека сказала Лиза.

– На Волге, – покачала головой Яна.

– Ну да, на Волге. Там еще Куйбышев жил.

– Да, как Ленин в Ленинграде и Горький в Горьком...

– У вас все в Куйбышеве такие умные? – съязвила Лиза.

– За всех не скажу.

– И дискотек у вас там тоже не бывает?

– Все есть, и дискотеки в том числе. Но мне совсем неинтересно...

– Да ладно, неинтересно, так я тебе и поверила! Скажи, мама не пускала!..

– Ну, мама говорила, что мне рано, а я соглашалась...

– Ты прямо вся такая правильная.

– Какая есть.

– Да, с тобой каши не сварить.

– А не надо со мной кашу варить.

– Не надо, и не буду. Да и не люблю я кашу. Икорки бы сейчас на хлеб с маслом...

– Икорки не обещаю, а чаем напоить могу.

– Икорка у меня есть. Вот, в баночке...

Кухня располагалась в конце коридора. Общий чайник был пуст. Яна неторопливо налила в него воды, поставила на большую электрическую плиту. Не сказать, что ей не понравилась Лиза, но и желания побыстрее сесть с нею за стол не возникало. Разные у них интересы. Точки соприкосновения у них наверняка найдутся. Возможно, они даже подружатся. Но что-то подсказывало Яне – не станут они родственными

душами.

Лиза вернулась в первом часу ночи. Яна уже спала, но это не помешало ей включить свет. И еще нагло спросить, глядя, как она протирает глаза:

– Что, бессонница мучает?

– Свет выключи!

Лиза послушалась – свет погас, но Яна успела разглядеть соседку – волосы растрепаны, помада на губах стерта, верхние пуговицы на блузке вырваны с мясом. И на ногах она стояла нетвердо. Или устала очень, или поддала хорошенько – скорее всего, последнее.

– Уфф! – Лиза опустилась на кушетку, спиной опершись о стену. – Лучшие годы жизни проходят, а ты как затворница-монашка!..

– Рано мне еще на дискотеки ходить...

Яна поняла, что не уснет, поэтому откликнулась на разговор.

– Одна тоже так думала. А потом раз, и мамой стала, – усмехнулась Лиза. – Какие уж тут дискотеки!..

Она действительно была под градусом, поэтому плохо держалась на ногах. Об этом можно было судить по тому, что не носилась она по комнате, не зная, куда приткнуться. Как легла на кушетку, так и лежит неподвижно. И глаза куда-то в потолок смотрят.

– Хотя нет, я одну такую знала. Двоих родила, а на дискотеки бегала. Ни матери, ни мужа, а все равно бегала. Спать

уложит – и бегом в клуб...

– Дура потому что.

– А ты не будь дурой. Гуляй, пока не залетела... Хоть не обидно будет, когда это случится...

– Что случится?

– Ну, ребеночка когда нагуляешь...

– А мне это не нужно. Поэтому и не гуляю. И не нагуляю.

– Ну да, у нас была одна такая. Отец в школу приводил, из школы забирал, никаких дискотек, все вечера дома, а она еще до выпуска родила.

– Всех ты знаешь, и все плохие, одна ты хорошая.

– Да нет, не хорошая, – мотнула головой Лиза. – И гуляю с пятнадцати лет... И пока все нормально.

Она хотела еще что-то сказать, но в окно вдруг постучали. Яна вздрогнула. Комната на третьем этаже, балкона нет, так что постучать могла только ведьма черенком своей метлы. Зато Лиза не испугалась. Несмотря на свое хмельное состояние, довольно-таки легко поднялась с кровати, отдернула штору, открыла окно.

– С ума сошел! – бросила она кому-то в ночь. – А ну давай обратно!

Кто-то что-то ответил ей мужским голосом. Этот «кто-то» настойчиво просился в гости, но Лиза не сдавалась:

– Я сказала, гуляй! А то ведь столкну!

Она действительно вытянула руку в окно, отваживая ночного гостя. И тот испугался, убрался восвояси. Межэтажный

парапет узкий, до пожарной лестницы далековато – не за что будет зацепиться, если толкнут. Так что лучше не рисковать.

Лиза закрыла окно, зашторила его, вернулась на место.

– Ничего, если я закурю?

Яна не жаловала эту ее недопустимо дурную для женщины привычку, но ее мнение Лизу не особо интересовало. И разрешение она спросила для проформы. И если бы Яна сказала «нет», она все равно бы закурила.

Впрочем, обижаться на нее не стоило. Обычно Лиза выходила курить в дальний конец коридора на общий балкон. Сейчас она просто немного не в себе, поэтому блажит.

Курила она болгарские сигареты, утверждая, что вреда от них никакого нет, одна только польза. Но Яну переубедить не смогла. Хотя если бы была от сигарет какая-то польза, Яна все равно бы не стала следовать ее примеру. Тошнотворно противный дым не вдохновлял на табакокурение...

– Это Егор был, хороший парень, – сказала Лиза, кивком головы показав на окно. – Я с ним на дискотеке познакомилась, он с четвертого курса... Как он целуется!..

– Так это ты с ним?

– Что с ним, целовалась? А что, похоже?..

– Помада размазана...

– Помада?.. Да и черт с ней... Губам до сих пор горячо, до сих пор приятно... Видала, у нас в университете девчонок в сто раз больше, чем парней. А Егор ко мне полез, рискуя жизнью, можно сказать...

– Ну ипустила бы...

Яне вовсе не хотелось видеть у себя в комнате какого-то там Егора. Просто вдруг стало жаль парня. На третий этаж с трудом залез, а обратный путь еще сложнее – как бы не упал, не разбился.

– Что, познакомиться захотела? – насмешливо спросила Лиза.

– Очень нужно!.. Он мог бы через нашу комнату выйти, по лестнице спуститься...

– Ну да, а в холле баба Рыжа, она бы Егора к стенке – кто такой, из какой комнаты. А завтра бы тебя к декану потащили. Или даже к ректору...

– Почему меня? – всполошилась Яна.

– Ну ты же его хотела пригласить.

– Я?! Это ты здорово придумала, с больной головы на здоровую!

– Ну ты же хочешь с ним познакомиться, – не унималась Лиза. – А хочешь, я познакомлю вас? Он парень хоть куда...

– Спасибо! Как-нибудь обойдусь!

– Да и он, в общем-то, обойдется... – усмехнулась Лиза. – Таких, как ты, у нас – пруд пруди. Только пальцем помани – любая за ним побежит, ну, из таких, как ты...

– Каких – таких?

– Ну, из обыкновенных...

– А ты, значит, необыкновенная! – возмутилась Яна.

В принципе ей было все равно, какая она – обыкновенная

или нет. Вернее, так ей казалось, что все равно. Но сейчас она вдруг поняла, что ей не хочется быть обыкновенной.

– Нет... Во всяком случае, стараюсь быть необыкновенной. Вроде бы получается... Сама же видела, как Егор ко мне на третий этаж лез... К тебе бы вряд ли полез... А ты что, обижаешься?

– Не дожدهшься.

– Да нет, обижаешься. Я же вижу, что губы надула... Ты можешь быть необыкновенной, но не хочешь. Признайся, что не хочешь!

– А зачем это мне? Для меня главное – университет закончить...

– А потом уже и о мужиках можно будет подумать, да?

– Представь себе!

– Сколько тебе сейчас лет?

– Ну, семнадцать... – раздраженно бросила Яна.

– Ну, семнадцать, – передразнила ее Лиза. – Через пять лет, когда отучишься, ну двадцать два будет, правильно? И кому ты такая старая дева нужна будешь?

– Так уж и старая дева. Двадцать два года – только жизнь начинается...

– Если в монастыре, то да... Ты думаешь, что умнее и серьезнее меня. Вижу, что думаешь. А это не так, моя дорогая! Ты вот о глупостях разных думаешь, ну, вроде учебы, зубрежкой занимаешься. А я мужа себе ищу... И найду. Обязательно найду!..

– У тебя же этот есть, который в Японии сейчас...

– Есть. Но не у меня... Я с ним полгода жила... – Лиза сошла вдруг с лица, всхлипнула, прикладывая пальцы к глазам, чтобы остановить нахлынувшие слезы. – Он мне квартиру снимал, подарки дарил, от жены уйти обещал. А потом сказал, что все, кончилось наше счастье... У него здесь связи в университете, он мне помог поступить. Я-то, дура, думала, он мне помочь хочет, чтобы у меня высшее образование было, а он избавиться от меня хотел. Здесь же общежитие, куда спихнуть меня можно. Вот и спихнул... Ну не сволочь, а?..

– И что теперь? Жизнь же не закончилась...

– А кто сказал, что закончилась? Нет, жизнь продолжается, с Егором вот познакомилась... Только нужен он мне, вот в чем вопрос?..

– Ты же сама говорила, что он симпатичный. Да и целовалась ты с ним...

– А что, если целовалась, то уже любовь?.. А если даже любовь, кому она такая нужна?..

– Какая такая?

– Да такая, что толку от нее – ноль... Этот Егор из какого-то городка под Смоленском. Нужен он мне такой? Я в Москву не для того ехала, чтобы замуж за иностранного выходить!

– А для чего ты в Москву ехала?

– Чтобы замуж выйти. За москвича. Чтобы квартира была, неплохо бы машину, желательно «Жигули»... Ну, чтобы он

сам упакован был и меня упаковать мог...

– У тебя мещанские взгляды на жизнь.

– Чего? – изумленно протянула Лиза. – А ты сама для чего в Москву приехала, а?

– Учиться.

– У вас же в Куйбышеве есть педагогический институт.

– Есть. Но то институт, а здесь университет...

– Невелика разница, что так в школе детей учить, что сям...

– А может, я в институте преподавать хочу. После университета можно...

– В московском институте?

– Ну, если предложат...

– Предложат. Если блат будет. А не будет блата, в Тмутаракань зашлют, и плевать, где ты училась...

– В Тмутаракань так в Тмутаракань...

– Да ладно тебе, правильную строить! В Москву ты приехала, чтобы в Москве и остаться. Все рассчитывают здесь остаться. Все! Но не всем везет... Лично я хочу здесь остаться, и не скрываю это... Может, я и порочная, как ты думаешь, но Егора я у себя на ночь не оставляю, хотя и могла бы. Не нужны мне проблемы, поняла? И аборт тоже... А ты можешь о любви думать, о возвышенных чувствах. Встретишь какого-нибудь прыщавого очкарика, сначала звезды с ним на лавочке считать будешь, а потом копейки до зарплаты. Ноги раздвинешь под ним, залетишь, родишь, замуж выйдешь. И

то, если возьмет. А может, и куда подальше послать... Эй, ты меня слушаешь?

Яна Лизу слушала, но виду не подавала. Легла на бок, спиной к ней, натянула одеяло до самого подбородка – сделала вид, будто спит. Пусть говорит что хочет. Натура у нее такая, как у сороки-балаболки – хлебом не корми, дай только потрещать... И пусть не думает, что она одна такая умная. Яна тоже знала, что ей нужно от жизни. Закончить университет с отличием, устроиться на работу – пусть в Тмутаракань, но по призванию. И замуж она выйдет – пусть за прыщавого очкарика, пусть без квартиры и машины, лишь бы любовь была. И детей рожать она будет уже после замужества, как это заведено у нормальных людей...

* * *

Лиза крутилась перед зеркалом – глаза и губы накрашены, на щеках румянец. Третья двойка подряд по одной и той же дисциплине – а ей и горя нет. Только и думает о московских кавалерах, то с одним познакомится, то с другим, но пока все мимо. Не у всех же москвичей квартиры есть и машины...

Яна лишь усмехнулась, проходя мимо нее. Пусть что хочет, то и делает. Она уже взрослый человек, и у нее своя голова на плечах. Кому-то гулять, кому-то гранит науки грызть...

– Янка, выручай! Аврал у меня! – не оборачиваясь к ней, через плечо бросила Лиза.

– У всех аврал. Контрольная завтра по вышке и коллоквиум по физике...

– Ой, да ладно! Прорвемся! Где наша не пропадала!..

– Да твоя-то как раз пропасть может, – усмехнулась Яна. – У тебя по высшей математике три двойки, а по физике две. Смотри, как бы мимо сессии не пролететь...

– Ничего, что-нибудь придумаю... А сегодня мне позарез с одним человеком нужно встретиться.

– Пожалуйста, на веревке тебя никто не держит.

– Ты не поняла. Дело в том, что еще есть парень, с которым мне нужно встретиться. Тоже москвич, вдруг перспективный, а?

– Как же ты сразу с двумя?

– В том-то и дело, что с двумя никак. С одним встречу на Пушкинской назначила, а с другим – на Таганке, ну, так получилось. Не могу же я разорваться!

– Выбери того, кто больше нравится.

– Да того и выбрала, кто больше нравится. С ним на Пушкинской и встречу... А ты бы с тем встретишься, который на Таганке будет меня ждать...

– Я?!

– Ну да. А что тут такого? Скажешь, что я не смогла сегодня, скажешь, что ты за меня. Ну, до завтра... А завтра я уже с ним, ну, или послезавтра, как получится... А что тут такого? С молодым человеком время проведешь, в кино с ним сходишь. Или в Театр на Таганке, если он билеты доста-

нет... Хотя вряд ли, это блат нужно или в очередь за месяц до спектакля встать. А откуда у него блат?

– Откуда?

– Вот и я спрашиваю, откуда? Не похож он на того, у кого блат есть...

– А на кого должен быть похож человек, у которого блат есть?

– Ноябрь на дворе, холодно уже, солидные люди в дубленках ходят, а у этого куртка болоньевая, шапка пыжиковая, брюки смешные, ну, знаешь, когда коленки оттопырены... А очки еще смешней...

– Очки?

– Ну да, круглые такие, их еще велосипедами называют...

– Очкарик, значит... Прыщавый?

– А-а, разговор наш вспомнила! – развеселилась Лиза. – Когда я тебе очкарика прыщавого обещала... Так и этот прыщавый. Но москвич!.. Точно москвич, можешь не сомневаться...

– А зачем мне сомневаться? Зачем он мне вообще?

– Во-первых, он мне нужен, а не тебе. А во-вторых, ты можешь провести время с пользой для себя. Может, он такой богатый, что сможет мороженым тебя угостить? – усмехнулась Лиза.

– Холодно уже мороженое есть.

– Тогда в кино ходите, там теплее...

– И в кино не хочу... Я же говорю тебе, контрольная зав-

тра...

– Ничего, до вечера еще есть время. За час успеешь подготовиться... Да и зачем тебе это вообще нужно? С твоей головой без всякой подготовки можно. Ты же отличница...

– Потому что стремлюсь, потому и отличница. А если не стремиться, то на двойки можно скатиться, как некоторые...

– Уж замуж невтерпех... Может, сегодня повезет, а? Этот, с которым я на Пушкинской буду, он перспективный. Ну, не красавец и не мальчик уже, но у него дубленка модная и шапка меховая, не обманка там какая-то... Может, и не женат. Может, и с квартирой, а?

– А может, я с ним встречусь? – спросила Яна только для того, чтобы подначить соседку. – А ты с тем, который на Таганке, хорошо?

Не было у нее желания встречаться ни с тем, ни с другим.

– Ну, до Пушкинской далековато будет, а до Таганки рукой подать...

– Ничего, на метро быстро...

– Ну, мне с Борисом интересней...

– А мне очкарика подсовываешь. Как его хоть зовут?

– А-а... сейчас... Имя у него еще такое, не совсем обычное... Ульянов, кажется... Он еще говорил, что его как Шекспира зовут. Но Шекспир же не Ульянов, нет?

– Шекспир – Уильям. Или просто Вильям.

– Во! Точно! Вильям его зовут!.. И сам он, как Вильям, ну, мягкий такой, расплывчатый, что ли. Хлюпик, в общем...

– И я должна с ним встречаться.

– Ну, мы же подруги, мы же должны друг дружку выручать? Не так уж часто я тебя о чем-то прошу...

Насчет подруг Яна могла бы поспорить. Не могли они называться подругами в полном смысле этого слова, слишком уж разные у них интересы. Только одна жилплощадь их и объединяла. Но спорить Яна не стала. Как не стала отказываться от встречи с каким-то Вильямом. Глядишь, когда-нибудь и Лиза ее в чем-то выручит... Да и в кино неплохо сходить, пусть даже и с очкариком...

– Хорошо, я согласна...

– А что ты наденешь?

– Мне, в общем-то, все равно.

– Мне, в общем-то, тоже... Что есть, то и надевай. Пальто, конечно, не шик, но в принципе ничего... А вот шапку свою оставь...

– Почему?

Пальто у Яны было новое. Родители недавно приезжали, мама почти весь день очередь в ГУМе отстояла, чтобы обновку ей на зиму купить. И шапку-шарфик там же купила. Симпатичная шапочка, с длинными ушами, которые можно было использовать как шарфик. И непонятно, почему Лиза ее забраковала.

– Потому что выглядишь в ней, как та дурочка с перелучка... В принципе, можешь надеть, Вильяму все равно будет...

– Да ладно, – пожала плечами Яна. – У меня волосы густые, мне и без шапки хорошо...

– Да, что есть, то есть! – завистливо кивнула Лиза. – Волосы у тебя шикарные, и парика не надо... Мне бы твои волосы... И глаза... Глаза у тебя необычные... Сама обыкновенная, а глаза необычные...

Яна и сама знала, что глаза у нее очень красивые. Большие, синие и, если верить брату, глубокие, как море. А мама говорила, что они у нее переливаются, как морская гладь на солнце... А волосы у нее от бабушки – темно-русые, густые. Раньше она их в косу заплетала, а потом обрезала до лопаток – так сейчас их и носит. Расчесываются они легко, потому что толстые, как конский волос: тяжелые, не путаются. Но глаза и волосы были единственным ее преимуществом перед обыкновенными девушками, в разряд которых записала ее Лиза. По большому счету, она действительно была обыкновенной, но ей-то все равно...

* * *

Вильяма она узнала сразу, хотя он мало чем напоминал хлюпика-очкарика, которого нарисовала ей Лиза. Болоньевая куртка – да, немного прыщавое лицо – тоже было. И очки тоже присутствовали, но вовсе не смешные велосипеды. Красивая и модная оправа из тонкой нержавеющей стали. Куртка явно не ширпотребовская от фабрики «Красная

швея» – наверняка фирма. Красивая куртка, темная с белыми полосами, дутая – как будто пухом набита. Полусапожки, заправленные в них джинсы. И здесь фирменный стиль. Фабрикой «Парижская коммуна» тут не пахнет. Обувь из Парижа, но без всякой коммуны. Каким одеколоном он пользовался, Яна угадала чуть позже, когда вплотную подошла к нему. Знакомый запах, «Чарли», ее старший брат за большие деньги когда-то покупал, чтобы к девчонкам на свидания ходить. Но Дима обрызгивал себя густо, так что за версту разило, а Вильям, судя по всему, знал меру. Он пах и одеколоном, и мужчиной одновременно. Хороший запах. И сам парень довольно-таки симпатичный. Худой, нескладный, но далеко не задохлик. Можно сказать, спортивного телосложения.

Он смотрел на Яну, как на мифическую Афродиту, выходящую из пены морской.

– Здравствуйте. Вы, случайно, не Вильям? – смущаясь, спросила она.

– Вильям, – растерянно улыбнувшись, энергично кивнул он головой. – Но не случайно...

– А я Лиза... То есть Яна... Но за Лизу...

– Вот оно что... – задумчиво потирая пальцами подбородок, сказал он.

На вид ему было лет восемнадцать. Может, на самом деле он был старше, и если так, то прыщавые щеки скидывали несколько лет. Впрочем, это были всего лишь прыщи, а не уродливые фурункулы. И не так уж их и много – лишь то,

что осталось от юношеского возраста. Еще пара-тройка лет, и от них не останется и следа...

– А Лиза где?

– А-а, Лиза...

Яна невольно задумалась, рассматривая Вильяма, поэтому его вопрос застал ее врасплох.

– А она заболела... Температура у нее. Тридцать девять и девять.

– Двадцать одно.

– Что, простите?

– Двадцать одно, говорю. Тридцать девять и девять, тройка и две девятки, сумма двух цифр дает двадцать одно...

– Считать я умею. Да, получается, двадцать один. Но что с того?

– Не двадцать один, а двадцать одно. Двадцать одно очко. Игра такая есть, в карты, очень популярная, «очко» называется. Может, знаете?

– Нет.

– Удивительно... Двадцать одно очко – самое счастливое число. Меньше – плохо, а больше нельзя... Вы понимаете, что я имею в виду?

– Если честно, то не очень.

– Тридцать девять и девять – счастливое число. И под этим числом мы с вами встретились...

– Да, но температура не у меня, а у Лизы...

– Но встретились-то мы с вами.

– Да, но я за нее... Хотела сказать, что заболела...

– Сказала, и хорошо, что сказала... Ничего, если мы будем на «ты»?

– Ничего. Но мне все равно... Пора мне...

Отправляясь на свидание, Яна собиралась сходить в кино с Вильямом, а сейчас думала о том, как бы поскорее сбежать от него. В общем-то, ничего удивительного: ведь она собиралась в кино с недотепой-очкариком, а перед ней стоял вполне состоявшийся и более чем просто симпатичный мужчина. Он волновал ее, она смущалась, ее состояние было близко к легкой панике. Поэтому и хотелось бежать.

– А как же билеты? – спросил он чуточку растерянно.

– В кино?

– Нет, в театр... Мольер, «Мизантроп», постановка Эфроса, Золотухин в главной роли. Очень интересно...

– Не сомневаюсь. А билеты?

– А разве я не про них спрашиваю? Есть билеты, но на послезавтра. А сегодня туда лучше не соваться – сегодня сам Горбачев здесь будет, «Мизантропа» будет смотреть...

– Горбачев? – удивилась Яна. – Генеральный секретарь?

– Он самый... Я бы мог и на сегодня билеты достать, но на сегодня у меня другие планы. Сегодня у меня по плану – обкатка машины. Можем вместе покататься, если ты не против...

О какой машине он говорил, стало ясно, когда Вильям подвел Яну к легковому автомобилю, стоявшему на обочине

оживленной дороги под ярким уличным фонарем. Таких машин она еще не видела. Необычной формы, новенькая, темно-синего цвета, блестящая до ряби в глазах. Вильям открыл перед ней одну-единственную с правой стороны дверцу.

– Прошу!

– Я даже не знаю...

Ей очень хотелось сесть в машину, погрузиться в уютную тишину комфортного салона. И хочется, и колется, и мама не велит... Сколько раз говорила ей мама, что порядочной девушке не пристало садиться в машину к незнакомому мужчине. Да и брат Дима об этом не раз говорил, хотя и катал сам куйбышевских девчонок на стареньком отцовском «Москвиче».

– Да ты не бойся, я тебя не обижу...

Вильям нежно взял ее за плечи, легонько подтолкнул к машине. Душой она воспротивилась, но забралась в салон. Дверца негромко захлопнулась за ней, Вильям обошел машину, сел за руль.

– Иностранная машина? – спросила она.

– Что, похоже?

– Ну, не знаю...

– Не знаешь, и не говори. «Лада» это новая, «восьмая» модель «Жигулей». Под европейский вариант... Мне чехлы кожаные шьют, когда поставлю, вообще класс будет...

– Я таких машин еще не видела.

– Значит, плохо присматривалась, в Москве таких уже

немало. Хотя и не очень много. Их в прошлом году только выпускать начали, сначала для спортсменов, затем для обычных людей... Ну, в смысле, не очень обычных. Так просто такую машину не взять, даже если в очереди стоишь. Тут блат нужен...

– А у тебя есть?

– Не у меня, у отца, он в Министерстве внешней торговли работает... Я тоже по внешней торговле, Институт международных отношений заканчиваю, факультет там есть – международных экономических отношений. Но я пока что только учусь, а отец работает – у него и связи, и все остальное...

– Хорошо, когда такой отец есть.

– Хорошо. А твой отец где работает?

Яна могла бы сказать, что сама она москвичка, а отец ее какой-нибудь академик. Но врать она не стала. Нельзя врать людям, даже если поверят, то рано или поздно сама запутаешься – так учил ее отец. Он хоть и не ученый у нее, но мудрости ему не занимать.

– Старший инспектор горono. В Куйбышеве...

– Далековато.

– Не близко. Но я не жалуясь.

– В педагогическом учишься?

– Да. Так же, как Лиза...

– Лиза?.. Ну да, Лиза... Передашь ей, чтобы выздоровливала... Или хочешь, мы прямо к ней сейчас поедем?

– Не хочу.

– Я тоже...

Вильям неторопливо вставил ключ в замок зажигания, прикрыл глаза – словно в предвкушении чуда, – завел двигатель.

– Зверь, а не машина. И мягкая, как ласточка...

«Лада» тронулась легко, без рывка, стремительно набрала ход. Шум двигателя едва слышен, ход на удивление мягкий. Никакого сравнения с «Москвичом»...

– Знаешь что, если мы немного покатаемся, а потом я поставлю машину в гараж и мы с тобой поедem в ресторан? – спросил он.

– Говорят, что в московских ресторанах свободных мест не бывает.

– А это для кого как... А кто говорит?

– Ну, говорят... Лиза говорила.

– Ну, Лиза, это понятно. А сама что, в ресторанах не бываешь?

– Нет. Зачем это мне?

– Ну, интересно. Музыка играет, народ танцует. Все такие важные, значимые, ну, пока не напьются... Но, если честно, я сам рестораны не очень жалею. Первые два-три раза еще ничего, а потом скучно... Мне вообще дома больше нравится – так, чтобы тихо, спокойно, а музыка там у меня своя. «Квин» слушаю, «Блэк Сэббэт», «Назарет»... И видео смотреть люблю. У нас видеоманитофон, отец кучу кассет привез, перевод, правда, ужасный, но все равно очень интерес-

но... Хочешь, поехали ко мне. Отец сейчас с матерью на даче, сегодня никого точно не будет...

– Какая дача в ноябре?

– Зимняя дача, какая еще! Дом у нас в трех километрах от Москвы, хороший дом, теплый – два камина, газовое отопление... А квартира здесь недалеко, на Мясницкой... Поехали? Музыка послушаем, кофе с коньячком...

– Спасибо.

– Спасибо, да или спасибо, нет?

– Спасибо, нет...

– Ну, не хочешь, не надо. Тогда просто покатаемся. И в машине музыка есть...

– Только не тяжелый рок.

– Любой каприз. «Бед Бойз Блю» есть. Такая же голубизна, как и «Модерн», но в общем-то слушать можно...

Яна слушала предложенную музыку. И слушала с удовольствием. Чертовски приятно было ехать в новенькой комфортной машине, смотреть в окошко, за которым холодно и сыро. И музыка такая энергичная и жизнеутверждающая, как будто в светлое будущее зовет... Ехать бы и ехать, не останавливаясь. Но Вильяма снова потянуло на приключения.

– Может, все-таки ко мне заедем, видео посмотрим...

– Кофе с коньячком, да? – насмешливо спросила Яна.

Вильям ей нравился, и она бы с удовольствием побывала у него дома, заграничное видео бы с ним посмотрела, можно и

кофе с коньячком. Но ведь он приставать будет, а она совсем не расположена была к тому, чтобы уступать ему. Мама не просто говорила, она заклинала, что девственностью нужно дорожить. Таким, как Лиза, этого не понять, но сама она с мамой согласна на все сто процентов. С девственностью она расстанется в первую брачную ночь.

– Можно кофе с коньячком, – облизнув губы, взволнованно кивнул Вильям. – А можно просто коньячок...

– Лучше просто кофе. Но не с тобой. Отвези меня, пожалуйста, домой...

Она не думала строить из себя недотрогу. Камню вовсе не обязательно изображать камень, он такой и есть по своей природе. А она недотрога по своим убеждениям. И пусть Вильям не старается. Никакие золотые горы не смогут сбить ее с истинного пути...

* * *

Лиза отсутствовала три дня и три ночи. Вернулась усталая и недовольная. Едва сняв сапоги, плюхнулась на койку.

– Это что-то с чем-то!

Она выдохнула воздух из легких с такой силой, как будто хотела выдуть вместе с ним воспоминания последних дней.

Яна промолчала. Она готовилась к лабораторной по физике, чем и была сейчас увлечена. Лиза воспринималась ею как досадная помеха.

– Тебе что, не интересно, где я была?

– Ты контрольную пропустила... Впрочем, это твое дело.

– Ничего, как-нибудь наверстаем... Такой мужчина был, у-ух! Как вспомнишь, так вздрогнешь... В ресторане были, потом на квартиру к нему поехали. Три ночи зажигали. А потом... Потом суп с котом, – огорченно вздохнула Лиза.

Начала, что называется, во здравие, а кончила за упокой.

– Жена вернулась?

– Хуже. Друг с женой вернулся. Это друга квартира была. А у Саши моего ни кола, ни двора. И сам он откуда-то из Пензы, проездом, можно сказать... С собой звал. А зачем он мне такой нужен?

– Ты хоть сама знаешь, что тебе нужно?

– Знаю. И очень хорошо знаю. Квартира, прописка, хорошо, если машина...

– А любовь?

– Что – любовь? Главное, чтобы человек был хороший. А с лица воду не пить... Да, как там у тебя с этим Ильей? – небрежно спросила Лиза.

– С Вильямом, – поправила ее Яна.

– Ну да, с Вильямом. Как там у тебя с ним?

– Да так... На свидание приглашал...

– А ты?

– Некогда мне...

Дел у Яны действительно хватало, но и от свидания с Вильямом она не отказывалась. Вчера они ходили в Театр на

Таганке, даже в кафе немного посидели. Он проводил ее до студенческого городка – на такси привез. Завтра он позвонит ей на вахту, скажет, где они смогут встретиться. Если позвонит... Она пыталась убедить себя, что ей все равно, позвонит он или нет. Но при этом прекрасно понимала, что не все равно. Она ждала его звонка, волновалась.

– Что, не фонтан?

– Ты же сама его видела, зачем спрашиваешь?

– Видела. Не фонтан... Значит, даже ты его забраковала, – сделала вывод Лиза.

– Что значит даже ты? – возмутилась Яна.

– Ну, то и значит, что такие, как ты, обычно неприхотливы...

– А такие, как ты?

– Обиделась?.. Ну, извини...

– Злая ты.

– Не спорю. Иногда я правда бываю такой злой... В кино-то ходили?

– В театр ходили. Вчера. Интересно было...

– Нормально. А билеты как достали?

– По благу.

– У него что, блат есть?

– Да, отец в Министерстве внешней торговли работает.

– Неплохо, – вскинулась Лиза.

– Я так понимаю, не последний человек. Машину Вильяму купил.

– Машину?!

Лиза разволновалась так, что вскочила с кушетки.

– Да, «Лада», какой-то новой модели, кажется, восьмой...

– «Лада»?! «Восьмерка»?!

– Да, «восьмерка». Совсем новая...

– А она не может быть старой, их только-только выпускать начали... Так что, ты с Вильямом на его машине каталась?

– Да. Только вчера нет. Она в ремонте была. Ну, не в ремонте, сиденья кожей обтягивали...

– Сиденья?! Кожей?! Ничего себе!

Лиза совершенно забыла про усталость. Энергия фонтанными струями выплескивалась из нее, крутила ее по комнате, как пакет с водой, реактивно выливающейся из него в разных направлениях.

– Дома у него, случайно, не была? – всполошенно спросила она.

– Нет. Он приглашал, но я не захотела...

– Большая квартира?

– Я откуда знаю?.. Он сказал, что родителям эта квартира от деда досталась. Он каким-то большим начальником в горисполкоме был, дом еще сталинский, то ли пять комнат, то ли еще сколько... А еще отец его квартиру получил, ну, по своей линии, где-то на Марксистской улице. Вильям сказал, что это его квартира, только там ему скучно...

– Его квартира?! Слушай, а может, он врет?

– Ну, не знаю... А зачем ему это?

– Но машину ты точно видела?

– Да. И каталась...

– Квартира на Марксистской улице! Своя собственная! С ума сойти!.. Ты хоть понимаешь, что первой с Вильямом я познакомилась?

– Ты познакомилась, – соглашаясь, кивнула Яна.

– Он со мной должен был встретиться, он меня должен был на машине катать.

– Тебя.

– Хорошо, что ты это понимаешь... Мне нужно с ним встретиться.

– Он же тебе не нравится.

– Не нравится?! – удивленно повела бровью Лиза. – Кто тебе такое сказал?

– Ты говорила.

– Ты что-то путаешь, девочка моя... Когда ты с ним встречаешься?

– Не знаю, мы еще не решили. Он должен позвонить завтра, на вахту.

– Та-ак... А сама ему ты позвонить можешь? У тебя есть номер его телефона?

– Есть... Но я как-то не думала ему звонить. Он же мужчина, он должен первый...

– Ты или дура, или за нос меня водишь. Если у него машина своя и квартира, ты за ним как ниточка за иглолочкой бегать должна...

– Тебе надо, ты и бегай...

– Надо! В том-то и дело, что надо!.. Если ты, конечно, не врешь... А если врешь, то я все равно узнаю... Номер телефона давай.

– А разве у тебя его нет? Ты же с ним знакомилась, он должен был тебе номер своего телефона оставить...

Лиза не сразу нашлась, что ответить.

– Ну да, он оставлял... на коробке спичечном черкнул...

Но я потеряла...

Яна была не настолько глупой, чтобы поверить ей.

– На каком коробке? Он не курит, а у тебя зажигалка...

– Ну, не знаю, был у него коробок... Да какая разница, был или не был? Я первой с ним познакомилась. Ты меня на свидании с ним заменяла. Так что извини, подруга, придется тебе подвинуться и уступить мне мое законное место...

Яна понимала, что не должна уступать Лизе Вильяма. Но по своей природе она не была конфликтным человеком, ей не хотелось ссориться с соседкой, тем более из-за парня. К тому же в чем-то Лиза права. Действительно, не познакомься она первой с Вильямом, не смогла бы Яна встретиться с ним...

– Да пожалуйста, – закусив губу, с показным равнодушием пожала она плечами.

Сердце сжималось в груди, слезы щипали глаза, но Яна старалась не давать воли своим чувствам. Она убеждала себя, что ничего страшного не произошло. Ведь раньше она

как-то жила без Вильяма, и дальше будет обходиться без него. Есть университет, есть учеба, которая ее так занимает. Учебный процесс – это очень серьезно, а мальчишки – ни к чему не обязывающая ерунда... Но, как ни утешала она себя, на душе скребли кошки...

Лиза сама позвонила Вильяму, сама напросилась на встречу. В общагу вернулась глубоко за полночь.

– Уфф! – с пафосным каким-то облегчением вздохнула она. – Еле прорвалась! Эта стерва пускать не хотела...

Яна понимала, о ком шла речь. Студенческое общежитие – не проходной двор, а сегодня на вахте дежурила особо привередливая особа, баба Рыжа, могучая телом и грозная духом. Лиза должна радоваться, что ее вообще пустили домой, могла бы и на улице ночевать остаться, с последующим разбором полетов у коменданта, а дальше – по инстанции.

– Надо было у Вильяма остаться, – после недолгой паузы добавила Лиза.

– Свет выключи и не мешай спать, – буркнула Яна.

Ей вовсе не хотелось спать. Не тот случай. Волновалась она, переживала, казнила себя за свою глупость. Не стоило ей давать Лизе номер его телефона.

– Да ладно тебе! – засмеялась та. – Как будто тебе не все равно, что у нас было...

– И что у вас было? – не поворачиваясь к ней, в надежде сдержать рвущееся наружу чувство досады, спросила Яна.

– Ну что у нас могло быть? На машине покатались, потом

он меня к себе на квартиру привез, ну, на Марксистскую... Не знаю, может, ему с тобой было там скучно, но со мной точно было весело...

– Я не знаю, как там у вас было. А я там вообще не была...

– Да он тебя особо туда и не тянул... Ему я нужна была, а не ты. Он тебе номер телефона дал, чтобы я ему позвонила. Он меня ждал, понимаешь? А ты для него – так, время убить...

– Все сказала?

– А тебе мало?

– Больше, чем надо. Свет выключи! Я спать хочу!..

– Думаешь, я не хочу? – томно протянула Лиза. – Еще как хочу. Вильям меня утомил... Каюсь, не разглядела я его. Поздно вечером было, освещение плохое. А так он парень что надо. Сильный, выносливый... Такого жару мне задал!..

– Замолчишь ты или нет?

– Хочешь сказать, что тебе не интересно? Но я-то знаю, что интересно...

– Жару он тебе задал... Тебе не стыдно мне такое рассказывать?

– А чего стыдиться? Еще древние говорили, что естественно, то не безобразно. А мы с тобой современные люди...

– Но это же не значит, что сразу в постель!

– В постель?! А кто что говорил про постель! – обидно засмеялась Лиза. – Лично я ничего не говорила... Ты, навер-

ное, не так поняла. Ведь каждый судит в меру своей испорченности. Ты вот, например, про постель думала, ну, когда с Вильямом была, но цену себе набивала, потому и не легла... А я легла. Потому что я искренна в своих желаниях. И стремлениях тоже... Думаешь, Вильям не понимает, что мне от него нужно? Понимает, он же не идиот! Все женщины такие – в Москве жить хотят, с мужем в своей квартире, на машине ездить. И я этого хочу. Да я ему это и сказала... А ты ничего не говорила, хотя ему и без того было все ясно. Он так мне и сказал, что ты цену себе набивала. Целку, говорит, строила, а сама только о том и думала, чтобы меня захомутать...

– Врешь! Не мог он этого сказать! – возмутилась Яна.

Все-таки обернулась она к Лизе, приподнявшись на локте. Все-таки стрельнула в нее гневным взглядом.

– А ты у него спроси!..

Лиза в упор смотрела на нее. Взгляд прямой, уверенный и немигающий, как у змеи... Она сумела внушить ей, что не врет...

– А кто он такой, чтобы я его о чем-то спрашивала?.. И все равно мне, что у него квартира есть, поняла? Так ему и передай, что все равно!

– Да я-то передам... Только ты не думай, что после этого он к тебе на белом коне да с цветами прискачет!

– Да не думаю я ничего!.. Надоела ты мне! И Вильям твой надоел! Оба надоели!!!

В разрушенных чувствах Яна рухнула на кровать, сунула голову под подушку, обхватила ее двумя руками, чтобы не слышать Лизу... Пусть что хочет о ней, то и думает. На пару со своим Вильямом. А она уж как-нибудь обойдется без них обоих... Найдет себе другого парня, если будет надо... А что? Как говорит отец, клин клином вышибают...

* * *

Яна неторопливо шла по аллее университетского сквера. Настроение в унисон погоде – холодный ветер кружит хоро-вод из опавших листьев-мыслей, в небе пасмурная хмарь, на душе тоска. И отличная оценка по контрольной совсем не радует. Она сейчас засядет за учебники, а Лиза умчится на свидание с Вильямом. Она упорным трудом идет к своему дипломному будущему, а Лиза без всякого зазрения совести вертит хвостом. И горя не знает. На занятиях почти не появляется, из оценок получает только двойки. И ничего, никто даже не поднимает вопрос об ее отчислении. А недавно вдруг выяснилось, что у нее все лабораторные по физике сданы – а это прямой допуск к экзаменам за первый семестр. И ведь сдаст экзамены. Кто-то хлопочет за нее. Может, тот самый влиятельный прохиндей, который помог ей поступить в университет. Может, он продолжает помогать ей. В обмен на кое-какие услуги...

– Э-эй! Привет! – неожиданно раздалось над ухом.

Яна вздрогнула, раздраженно глянула на возмутителя спокойствия. Симпатичный парень с короткими белобрысыми волосами. Более того, он чем-то был похож на Дитера Болена из «Модерн Токинг». Такой же стройный, такой же обаятельный, ну, может, не настолько уверенный в себе, как немецкий баловень судьбы. Но ведь у него возраст еще такой – совсем юный, да и заслуг никаких нет. Наверняка такой же студент, как и Яна.

– Чего надо? – нелюдимо буркнула она.

Парень ей понравился, но заводить с ним знакомство все не хотелось. Хотя и были мысли о том, чтобы найти замену Вильяму.

– А чего ты такая бука? Случилось что? – весело и бодро улыбнулся он. – Или по жизни такая?

– Какая есть – такая и есть!

– Значит, по жизни такая... А я тебя знаю. Ты с нашего, физико-математического факультета.

– Ну и что?

– А я на четвертом курсе учусь.

– О-очень интересно.

– Ты с Лизой Полупановой в одной комнате живешь. Яна тебя зовут.

– С этого бы и начинал, – раздраженно глянула на него Яна.

– А меня Егор зовут... Это я к вам в окно лез, ну, давно, еще в сентябре...

- Нашел чем хвастаться.
- Да я не хвастаюсь. Просто...
- Вот и шагай себе просто!..
- Ну ты и зануда!
- От зануды слышу!
- Ну-ну!..

Егор исчез, но на следующий день появился снова. Нет, он не караулил Яну на аллеях студенческого городка. Она обнаружила его в своей комнате, когда вернулась с вечернего факультатива по психологии. Он был не один, с другом. И с ними Лиза и хорошенькая Рита Ильина из параллельной с ней группы. Стол стоял посреди комнаты, импровизированная скатерть из куска ватмана, две бутылки портвейна, стаканы, крупно нарезанная ливерная колбаса, раскрошенный на фольге сырок «Дружба».

Скромная студенческая пирушка, для женского общежития довольно-таки привычное явление – несмотря на строгий контроль со стороны коменданты и вахтерш. Но сама Яна к таким сабантуйчикам не привыкла, никогда в их с Лизой комнате не собирались веселые компании.

- Янка, давай к нашему шалашу! – приветливо помахала ей Лиза, приглашая к столу.
- Спасибо...

Она присела на свою кровать, на которой еще до нее уместился друг Егора на пару с Ритой. Ей тут же налили вина в стакан, но она отрицательно покачала головой. В глазах

немой, но яркий вопрос: «И когда все это закончится?»

– Ян, ну не будь занудой! – весело, но с осуждением покачала головой Лиза.

– А если я не хочу?

– Ну ты же современная девушка. Тем более никто не собирается к тебе приставать, правда, ребята?

– Не-ет! – хором вывели они.

Егор обнял за плечи Лизу, его друг привлек к себе Риту. Выходило, что Яна была чужой на этом празднике жизни. Вроде бы так и должно быть, но все равно обидно... Одно хорошо, Лиза не спешила на свидание с Вильямом. Может, получила от ворот поворот?.. Противоречивое чувство обиды и радости толкнуло Яну на необдуманный шаг. Она поддалась настроению и отпила из предложенного стакана. Вино было невкусным, обжигающе крепким. Но когда все снова подняли «бокалы», она тоже сделала несколько глотков. И так хорошо вдруг стало, как будто груз какой-то с души свалился. Сознание ясное, в крови никакого волнения, а в ногах такая легкость, что хоть в пляс пускайся...

Яна осушила стакан, друг Егора, Гена, наполнил его снова, до самых краев. Она хотела было возмутиться – дескать, женщинам так не наливают. Но промолчала. В конце концов, они же не на приеме у английской королевы, к черту церемонии...

Яна и не заметила, как опустел второй стакан. Сознание слегка затуманилось, изменилось и слуховое восприятие –

отдаленные звуки сливались в глухой монотонный шум, а ближние на этом фоне казались более звонкими и резкими, чем обычно. И в ногах затяжелело. Но состояние общей легкости не исчезло. Еще сильней хотелось петь и танцевать...

В дверь постучали. Бутылки мгновенно исчезли со стола. Егор разжал объятия, выпуская Лизу, Рита отстранилась от Гены.

К двери подошла Лиза. Широко открывать ее не стала. Выслушала кого-то, кто стоял за дверью. Загадочно улыбнулась, но на Егора посмотрела с досадой.

– Дико извиняюсь, но у меня срочное дело, – с чувством вины напоказ, но с радостью в душе развела она руками.

Она мельком и ликующе глянула на Яну. И ей сразу стало ясно, что это за срочное дело у нее. Вильям ей позвонил. К нему на свидание торопится... Знал бы он, с кем эта дрянь проводила время...

– Закрой за мной дверь, – заговорщицки шепнула ей на ухо Лиза.

И в том же тоне шепнула ей, уходя:

– Я к Вильяму, а ты, так уж и быть, можешь забрать Егора. Он мне уже не нужен...

Яна нервно захлопнула за ней дверь, резким движением задвинула щеколду.

Она собиралась вернуться на свое место, но Егор, уже раскрасневшийся от вина, перехватил ее, мягко взял за талию, привлек к себе. Он хотел, чтобы Яна села к нему на колени,

но из этого ничего не вышло – она извернулась и всего лишь села рядом с ним. Тогда он положил руку, чтобы прижать ее к себе, но и здесь его постигло фиаско – Яна сбросила его руку движением плеча. Хотела еще отодвинуться, но решила не делать больше резких движений. В конце концов, Егор не Бармалей, который пожирает маленьких детей вроде нее. Да и не маленькое она дитя...

Вино закончилось, но, словно по мановению волшебства, на столе появилась еще одна полная бутылка. И надо же, Яна обрадовалась этому, как будто она какой-то алкоголик... Лиза ушла к Вильяму, и она снова осталась за нее – на этот раз с Егором. Он парень простой, без квартиры и московской прописки. Но ведь она и не гонится ни за тем, ни за другим. И пусть Вильям катится к черту со своими мнимыми достоинствами. Видно же, что она нравится Егору. И он нравится ей. Может, у них роман будет. Если так, то из них выйдет прекрасная пара: он учитель физики, она – математики, они будут жить одной семьей, преподавать в одной школе. Разве ж это не прекрасно?..

– О чем задумалась, хорошая? – легонько тряхнул ее за плечо Егор.

– А-а, да так, – отмахнулась Яна.

Его рука так и осталась лежать у нее на плече, но ее это уже не пугало.

– Налито уже, – взглядом показал он на полный стакан.

– А тост? – весело спросила она.

– О! Это дело!.. Гена!

Гена встал, поднял наполненный до краев стакан, патетически произнес тост:

– Друзья, давайте выпьем за то, чтобы в этой жизни у нас всегда была только светлая полоса! И пусть в нашей жизни останется столько горя и печали, сколько останется в наших стаканах капель вина!..

Яна не хотела, чтобы ее жизнь состояла из горестей и печалей, поэтому осушила стакан до самого дна, так, чтобы ни единой капли не осталось...

В какой-то момент она поняла, что сильно пьяна. Сознание качалось, как резиновый мячик на плавных широких волнах штормящего океана, руки какие-то ватные, в ногах ледяной свинец вместо горячей крови. И Егор такой красивый и милый, и так приятно чувствовать его руку на своем плече. И Гена с Ритой ничего такого не делают – подумаешь, целуются на глазах у них. Он даже на кровать ее положил... Ничего страшного...

– Э-эй, вам, кажется, уже пора! – осадил их Егор.

Гена и Рита послушно поднялись. Собрались уходить.

– Может, еще по одной? – спросил Егор.

Гена кивнул, соглашаясь. Рита же мотнула головой. Яна удивленно глянула на нее. Вроде бы бывалая девчонка, а вино пить боится. Неужели напилась? Если да, то слабачка... Другое дело Яна...

Она не стала отказываться, но смогла осилить только по-

ловину стакана. Качка в штормящем сознании усилились, и в какой-то момент Яна ощутила себя кораблем, который накренился под натиском огромной и плавно закручивающейся волны. Ей показалось, что она вот-вот вывернется наизнанку и утонет...

И как только Гена с Ритой ушли, она действительно перевернулась – легла на кровать, подобрав под себя ноги. Перевернулась и стала тонуть – топориком пошла на дно мягко закручивающегося хмельного водоворота. Не было сил шевелить руками, чтобы выплыть на поверхность обыденной реальности. Так было приятно тонуть...

Забарахталась она, когда почувствовала на себе руки Егора. Сначала он просто гладил ее, затем полез под кофточку, расстегнул лифчик... Она сопротивлялась, но слишком вяло. Глаза закрыты, лицо уткнуто в подушку, а его руки продолжают исследовать ее тело. Кофточка упала на пол, за ней последовал бюстгальтер, чуть позже к ним присоединились юбка и колготы...

Яна винила себя в том, что происходит, но ничего не могла поделать – ни с собой, ни с Егором. В этом было страшно признаться, но его нежные и жаркие прикосновения втягивали ее в омут какого-то сверхъестественного удовольствия. Не было сил отказать ему... И уже зная, что ей самой не преодолеть искушение, она сказала, что ей всего семнадцать и что она будет жаловаться в милицию...

– Тебе же хорошо, – отстраняясь, возмущенно сказал

Егор.

– Потому что пьяная, – откуда-то из туманных глубин сознания ответила она. – А завтра трезвая буду...

– Хорошо, не надо... Давай просто полежим...

Егор лег на бок позади нее, обнял одной рукой, ладонью другой провел по волосам.

– Ни у кого таких красивых волос нет, – восторженно прошептал он. – И глаза у тебя невероятные... Думал, что только это. А у тебя тело красивое, кожа такая нежная...

Он сделал паузу, чтобы продолжить, но неожиданно распахнулась дверь, и в комнату кто-то ворвался. Не успела Яна сообразить, что происходит, как включился свет и тишину пререзал истерический голос.

– А-а, честная, да! Честная!!! – визжала Лиза.

– Ты что здесь делаешь, дура? – возмутился Егор.

Лизу колотило как в лихорадке. Она тряслась и в злобной растерянности прятала глаза.

– Я спрашиваю, что ты здесь делаешь? – повторил Егор.

– А хочу на эту сучку блудливую посмотреть!

– Сама ты сучка!

– Да нет, я-то знаю себе цену! А она цену набивает! – презрительно скривилась она, кивком головы показав на Яну. – Целку из себя строит, а в постели как проститутка...

– Ничего не было.

– Ага! Так я и поверила!.. Все Вильяму расскажу! Пусть знает, какая она лебедь!.. Честная, ля! Ха-ха!..

– Катись отсюда. К своему Вильяму!

– Да я-то покачусь! А вы здесь оставайтесь! – бесилась Лиза. – В дерьме!..

Яна чувствовала, как от стыда пылают щеки. От потрясения она вмиг протрезвела. Ошеломленно смотрела на Лизу, но ничего не говорила. Она была так потрясена происходящим, что не находила слов, чтобы выразить свое возмущение.

– И останемся, – кивнул Егор. – Нам хорошо вместе, правда, Яна?

– Что, нравится эта дрянь? – взвизгнула Лиза.

– Очень, – кивнул он.

– Ну и что ты в ней нашел?.. Что вы все в ней находите?

Ни рожи, ни кожи!..

– Все у нее есть... И душа красивая... А ты лярва!

– А она кто? Цену набивает! А сама шлюха!.. Шлюха!!! – взвизгнула она.

– Ну и кому ты что хочешь доказать? – заговорила Яна.

– Вильяму! Пусть знает, какая ты!

– Зачем?

– А чтобы меня хотел, а не тебя...

– Ты же и так с ним.

– Да уж!..

Лиза злобно скривила губы, но вдруг ее лицо дрогнуло, взгляд поплыл, из глаз брызнули слезы.

– Почему он на тебе помешался?

– Кто помешался? – вместо Яны спросил Егор.

– Вильям!

– Кто он вообще такой?

– Да есть тут один. Крутой... Сначала переспал со мной, а теперь видеть не хочет. Янку ему подавай!

– Как, меня?! – удивленно протянула Яна. – Ты же с ним!

– Нет... Давно уже нет... Поматросил и сразу же бросил!..

Сказал, что с тобой хочет...

– Почему ты мне об этом сразу не сказала?

– Ага, сейчас! Я стараюсь, у меня ничего не выходит, а ты раз – и в дамках!.. А кто ты такая?..

– Не знаю, кто я, но такой подлой гадины, как ты, я еще не видела!..

– Гадина... – подтверждая, кивнул Егор. – И все-таки, кто такой этот Вильям?

– А тебе-то что? – с подозрением и осуждением уставилась на него Лиза. – Ревнуешь?..

– Не знаю, – пожал он плечами. – Может быть...

Яна не выдержала, истерично схватилась за голову.

– Уходите... Видеть вас не могу... Уходите все. Все!..

Первым ушел Егор, за ним Лиза. Но Яна недолго оставалась в одиночестве. Убрала со стола, перебралась на свою кровать. Только накрылась одеялом, как появилась Лиза.

– Ты это, извини... – не глядя на нее, виновато бросила она. – Сама не знаю, что на меня нашло...

– Все ты знаешь.

– Ну, не хотела я тебе Вильяма отдавать...

– А нужен он мне, ты спросила?

– Не нужен?! – встрепелулась Лиза. – Так бы сразу и сказала, что не нужен. Тогда бы я и огород весь этот не городила... Что, в Егора влюбилась? Забирай, пусть будет твоим...

– Спасибо, я подумаю...

Думала Яна недолго. На следующий день она сама позволила Вильяму и сказала, что ей нужно с ним встретиться...

* * *

Вильям подъехал к главному входу в университет. Яна не могла не заметить его красивую «Ладу», направилась к ней. Он вышел из машины, едва только увидел ее. В нерешительности сделал несколько шагов навстречу ей, остановился. Так и простоял, переминаясь с ноги на ногу, пока Яна сама не подошла к нему.

– Привет!

Как и положено женщине, Яна первой подала ему руку. Он пожал ее, внутренне передернувшись – как будто ток по нему пустили. Она даже угадала его порыв. Он хотел поцеловать ей руку, но не решился, потому отпустил ее.

– Так и будем стоять? – спросила она, понимая, что Вильям растерян.

– А, ну да...

Он торопливо подошел к машине, порывисто и неловко

распахнул перед Яной дверцу. Руки не подал – не нашелся от растерянности. Она только мило улыбнулась. Растерянный мужчина – безоружный мужчина. Впрочем, она и не собиралась с ним воевать. Хотя и не отказалась бы от победы...

– Хорошо, что ты позвонила... – сказал он, усаживаясь за руль.

– Ты так говоришь, как будто что-то могло случиться, если бы я не позвонила.

– Могло случиться, – кивнул он.

– Что, например?

– Например, я мог бы убить твою подружку... Шучу, конечно...

– В каждой шутке есть доля правды.

– Логично. Достала меня твоя Лизка... Знаешь, что она про тебя сказала?

– Догадываюсь, – сошла с лица Яна.

Нетрудно было представить, каких гадостей про нее могла наговорить подлая Лиза.

– Несла про тебя какую-то чушь. Как будто я тебе совсем не нравлюсь. Как будто ты... э-э... ну, спишь с парнями...

– Как будто я шлюха, ты это хотел сказать? – холодея, спросила она.

– Ну, не совсем... Но что-то в этом роде... Но это же неправда?

– Врет Лизка. Но если ты ей веришь, пожалуйста...

– Не верю. Не похожа ты на таких, которые гуляют...

– Внешность бывает обманчивой. Но я правда не гуляю...

– А Лизка?

– Лизка есть Лизка. Да ты и сам знаешь, какая она.

– Соблазняла меня, напрашивалась, – покраснел Вильям.

– Мог бы воспользоваться моментом...

– Мог бы. Но не захотел. О тебе думал... Ты не такая, как

она, ты настоящая...

– Я такая, какая есть. Такой и останусь.

– Но ты же с Лизкой водишься. С кем поведешься, от того и наберешься...

– Не вожусь я с ней. И не наберусь.

– Но вы же с ней в одной комнате живете.

– Я уже с комендантшей говорила, просила в другую комнату перевести. Она обещала подумать...

– И долго она будет думать?

– Не знаю.

– А я знаю. Пока не забуду... Как будто я в институте не учусь, не знаю, что такое общага...

– Но ты же там не жил.

– Не жил, но бывал... Можешь у меня пока пожить.

Яна решила, что ослышалась.

– Что?

– У меня поживешь... Я же говорил тебе, что у нас еще одна квартира на Марксистской улице. Я там живу... Ну, должен жить. И могу жить, если захочу...

– Но ты не хочешь.

– Да, потому что с родителями лучше. И Наташа вкусные блинчики жарит... Наташа – это наша домработница, я тебе не говорил?..

– Нет.

– А на Марксисткой никого. Неуютно там, холодно и голодно...

На какой-то момент Яна представила себе темную сырую квартиру с ободранными стенами, вспухшие полы, проваливающиеся потолки...

– И ты мне предлагаешь эту холодную и неуютную квартиру?

– Да. Потому что ты согреешь ее. Ты такая теплая... Да, теплая. Ну, если ассоциативно. Да и вообще... Так что, поедем? Хотя бы помотришь.

– Хорошо, но с одним условием. Не приставать.

– Да я как-то и не думал, – пожал плечами Вильям.

Не прошло и пяти минут, как они были уже на месте. Квартира находилась недалеко от института – хоть в этом плюс...

Но это был не плюс, а всего лишь плюсики по сравнению с тем, какой квартира была на самом деле. Ничего общего с ее недавними представлениями. Это были трехкомнатные хоромы с большой прихожей и просторной кухней. Дорогие по-серебрянные обои, красивые шторы с помпезными ламбрекенами, гардины из тончайшего тюля, современная мебель, запах чистоты и свежести.

– И это ты называешь неудобно? – изумленно протянула она, любуясь непривычной красотой.

У ее родителей в Куйбышеве тоже была трехкомнатная квартира, но там планировка стандартная, а здесь элитно-номенклатурная. Ремонт и мебель – никакого сравнения с тем, что видела она здесь.

– Ну, мне здесь не совсем уютно, – ничуть не позируя, кивнул Вильям.

– Мне, признаться, тоже...

И она была искренна в своих суждениях. Она боялась этого великолепия, она чувствовала себя здесь бедной родственницей, нет, жалкой бродяжкой, случайно попавшей в королевский дворец. Она могла стать своей в этом красивом мире, но ей не хотелось перескакать со своего низкого уровня на более высокий. Вернее, ее пугал такой переход. Как бы ноги не сломать да душу не покалечить...

– Мы можем прямо сейчас поехать к тебе в общагу, и ты заберешь вещи. Будешь жить здесь...

– Нет. Это слишком...

Общежитие казалось ей сейчас домом, где в тесноте, но не в обиде. Хоть и приходится ей делить комнату с подлой Лизой, но там она живет на законных основаниях. И если от кого-то она там зависит, то лишь от самой себя. И Лиза сама по себе не так страшна, как тягостное ощущение подневольности, которое она сейчас ощущала.

– Хорошо, я не буду тебя торопить. Но просто побыть ты

здесь можешь?.. Отец и мне видеоманитофон достал, кас-
сеты кое-какие, в холодильнике коньячок...

– Музыку послушаем?

– Можно и музыку... Эй, постой, при чем здесь музыка?

– Ну, парни так говорят, когда увлекают к себе девушек.

Сначала музыку слушать, а потом танцевать – в обнимку...

– Не знаю. Я не приглашал сюда никого... А тебя что, при-
глашали?

– Нет, но меня брат предостерегал.

– Брат?

– Да, старший брат. Сам гуляет, а меня блюдет...

– Где гуляет?

– В Куйбышеве.

– А, ну да...

– А сколько тебе лет?

– Счастливого количество – двадцать один.

– Ты уже совсем взрослый. И девушек у тебя не было?

– Нет.

– Что-то верится с трудом...

– Ну, попытки были... Мама пыталась познакомить, но
это не то. А так, чтобы на улице с кем-то познакомиться, духу
не хватало...

– А девушки с твоего курса?

– Они не обращали на меня внимания... Сейчас вроде ста-
ли обращать, но мне уже не нужно... Я же говорю, что сейчас
у меня счастливого количество лет. Как в игре, семнадцать,

восемнадцать, девятнадцать, двадцать – недобор, а двадцать один – точка в точку. Я, может, только-только мужчиной себя почувствовал. Потому что встретил тебя. И возраст потому что счастливый. Все одно к одному...

– А Лиза? – спросила Яна.

– Ну, с Лизой случайно вышло. Она споткнулась, чуть каблук не сломала. Я ее поддержал... Ну, слово за слово. Договорились встретиться... Хорошо, что договорились, а то бы я тебя не встретил...

Вильям так смотрел на нее, что ее бросило в жар. Так смотреть мог на нее только влюбленный парень...

– И гулял бы сейчас с Лизой...

– Если бы да кабы... Она, конечно, девушка красивая. С тобой, правда, не сравнить, но все равно... И вообще я Лизе благодарен. Это первая девушка, с которой я сам смог познакомиться. Хотя нет, дело не в ней, а во мне. Раньше я стеснительным был... Вернее, я и сейчас стеснительный, но раньше был очень-очень стеснительным... Взрослею, наверное...

– Двадцать один год – полное совершеннолетие.

– Да, да... Знаешь, я не жалею, что так много пропустил...

– Чего много?

– Ну, с женщинами... Даже хорошо, что пропустил... Всех пропустил, а с тебя начал. Ты бы могла стать моей первой женщиной...

Он нежно обнял ее за плечи, зарылся носом в ее волосы. И ей приятны были его прикосновения. Хотелось, чтобы он

и дальше прижимался к ней.

– А ты бы мог стать моим первым мужчиной...

– Так в чем же дело? Мы можем сделать это прямо сейчас!

– Какой ты быстрый, – отстраняясь, сказала она.

– Ну, зачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Так, кажется, Ленин говорил...

– Не знаю, мы с ним на эту тему не разговаривали.

– А на какую разговаривали?

– Об одном парне говорили. Который не хочет угостить девушку кофе.

– Это я-то не хочу!.. Ты побудь здесь, а я сейчас...

Вильям усадил ее в кресло перед цветным телевизором, к которому был подсоединен самый настоящий видеомагнитофон. Он утопил в нем большую кассету, нажал на какие-то кнопки. На экране замелькали кадры из какого-то заграничного мультика. Придурковатый кот и заумная мышка.

– «Том и Джерри», – пояснил Вильям. – Что-то вроде нашего «Ну, погоди!»... Смотри, я сейчас...

Мультик действительно чем-то напоминал «Ну, погоди!». Та же погоня – кот за мышью, он – тупица, она – умница. Но сколько жестокости... Впрочем, жестокость была такой же веселой и бесшабашной, как и музыка за кадром...

Яна так увлеклась, что не заметила, как в комнату вошел Вильям. Поставил на журнальный столик поднос – две чашечки с дымящимся кофе, два бокала с коньяком, шоколадные конфеты в вазочке, тонко нарезанный сыр с большими

дырками, лимон в дольках...

– Чур мне кофе! – насмешливо глянула на него Яна.

– И коньяк...

– Нет, коньяк – Тому, а сыр – Джерри... А тебе – лимон, а то физиономия у тебя слишком довольная. Паук ты, завлек девушку в свою паутину... Смотри, как бы комарик не прилетел...

– Какой комарик? – не понял он.

– Ну, который Муху-цокотуху из лап злодея-паука вырвал...

Она шутила, но Вильям воспринял ее слова всерьез. В мрачном раздумье нахмурил брови.

– У тебя что, парень есть?

– Нет. С чего ты взял?

– Ну ты же про комарика говорила...

– Это же шутка, аллегория...

– Злодей-паук – тоже аллегория? Про меня?

– Ты меня смешишь.

– Но мне совсем не смешно.

– Тогда пугаешь...

– Может, все-таки есть парень? – еще больше нахмурился он.

– Да говорю же, нет...

– Сколько их у тебя было?

– Вильям, что на тебя нашло?

Он не ответил, но Яна догадалась сама.

– Понятно... Лизка наговорила...

Он вздрогнул, брови распрямились, в глазах отразились испуг и растерянность.

– Да нет... То есть да... Но я ей не верю...

Яне хотелось плакать от обиды, она сдерживала слезы, но голос все же заметно дрожал.

– Тогда зачем эти допросы?

– Это не допрос. Так, к слову пришлось... Ты же сама первая про комарика заговорила...

– Кажется, наш разговор зашел в тупик.

– Да нет, нормально все... Кино будем смотреть. Можно боевик, можно комедию... А еще есть ужасы... Боевики и у нас есть, ну, «Пираты XX века» например. Про комедии даже не говорю. А ужасы ты точно никогда еще не видела...

– Видела. Гоголевский «Вий»... И еще «Всадник без головы»...

В детстве Яну очень пугал момент, когда огромная фигура всадника без головы всплывала на ночном горизонте, да еще под ужасную музыку, от которой кровь стыла в жилах...

– Все это детские сказки по сравнению с тем, что ты можешь сейчас увидеть.

– И что я могу увидеть?

– «Зловещие мертвецы». Жуть неземная... Смотрим?

Яна неопределенно пожала плечами. Ужасы так ужасы.

Перевод фильма был ужасным – как будто у переводчика нос прищепкой был зажат. И сюжет незамысловатый. Моло-

дежная компания, на свою беду, решила заночевать в заброшенном лесном доме. Книга мертвых, заклинания, страшные невидимые демоны... Но Яна смотрела фильм с интересом. Страшно было до ледяной жути.

Судя по всему, Вильяму тоже было страшно. Сначала он выпил коньяк из одного бокала, затем из другого. Сходил на кухню, принес бутылку... Она слышала, что сто граммов – не самое плохое лекарство от страха. Но сама пить не стала. Зато Вильям был полон решимости в одиночку расправиться со всей бутылкой. Яне это не нравилось, но энергия ужаса держала ее в оцепенении, поэтому она даже не пыталась остановить его. Да и кто она такая, чтобы блюсти его...

Вильям напивался медленно, но верно. В какой-то момент он подошел к ней, сел на широкий подлокотник ее кресла, обнял за плечи.

– Страшно? – ароматизируя воздух коньячными парами, спросил он.

– Не очень.

Ей не хотелось признаваться в том, что страшно. Как не хотелось, чтобы он ее обнимал. Приятно, но неприлично. Но руку его она с плеча не убрала. А он, ощутив ее податливость, еще ближе пододвинулся к ней. Чуть погодя его рука скользнула с плеча и нагло втерлась в жаркую ложбину под мышкой. Яна промолчала и на этот раз. Хотя и решила одернуть его, если он продолжит наступление на ее невинность. Но Вильям замер. Она понимала, что это всего лишь зати-

шье перед боем. Сейчас он снова пойдет в наступление. И уж она-то молчать не станет...

Но все произошло еще раньше. Ее до тошноты возмутила сцена, когда девушку спутало лианами по рукам и ногам, а злая сила направила в нее ужасающего вида дрын...

– Какая гадость! – вскакивая с кресла, воскликнула она.

– Так иногда бывает, – развел руками Вильям. – Это же кино...

– Ужас-то какой, – усаживаясь на диван, сказала она.

– Так это и есть ужасы...

– Смотреть расхотелось.

– Так и не смотри... Давай-ка мы с тобой лучше выпьем.

– Не хочу.

– А я хочу!

Он выпил, закусил долькой лимона.

– Ужас-то какой, бревном между ног... – плутовато улыбувшись, сказал он. – Разве же так можно с женщиной? С женщиной надо по-другому – мягко, нежно... Показать, как?

– Не надо.

– А я все равно покажу...

Он поменял кассету, и на экране телевизора всплыла и вовсе безобразная сцена. Голая женщина на кровати, а над ней огромный мужик с волосатой спиной...

– Что это такое? – возмутилась Яна.

– Легкое порно, – возбужденно переминаясь с ноги на ногу, пояснил Вильям. – Очень интересно...

– Если тебе интересно, то смотри. А я пойду...

Но уйти ей не удалось. Он догнал ее, поймал за руку и чуть ли не силой вернул на диван.

– Выключи! – потребовала она.

Он подчинился – выключил телевизор.

– Не знаю, что тут такого, – разочарованно пожал он плечами.

– Гадость – вот что это такое!

– Что естественно, то не безобразно. Так еще древние говорили...

– Древние?!

Яна вспомнила, где уже слышала эти слова.

– Не знала, что Лизка у нас древняя!

– При чем здесь Лизка?

– А при том, что это она про естественность и безобразность говорила... Ты ее этому научил? Или она тебя?..

– Что-то ты не то говоришь, – нахмурился Вильям.

Судя по бегающим глазкам, Яна задела его за живое.

– Ты и с ней это легкое порно смотрел? – догадалась она.

– Нет! – чересчур резко и с фальшивой уверенностью мотнул он головой.

– А я говорю, да!.. Она говорила, что смотрел...

– Она говорила?!

Сначала он растерялся, но спустя мгновения перешел в наступление:

– И ты ей поверила?

– А почему я ей не должна верить? Вот видеомэгнитофон, вот легкое порно, как ты говоришь... И сюда ты ее водил... Я даже знаю, что у вас было...

– Значит, веришь ей! – хищно сощурился Вильям.

– Верю.

– А почему тогда я не должен ей верить?.. Она говорила, что ты спишь со всеми подряд...

– Неправда! – холодея, мотнула головой Яна.

– Только со мной целку строишь, потому что замуж за меня хочешь!

– Не хочу!

– Ну да, нашла дурака! Как будто я не знаю, чего бабы от меня хотят!

Он смотрел на нее выпученными, наливающимися кровью глазами, рот перекошен. Таким Яна его еще не видела. И не хотела видеть.

– Ты псих! – воскликнула она.

И снова поднялась, чтобы уйти. Он попытался схватить ее за руку, но она увернулась. И еще умудрилась толкнуть его так, что он не удержал равновесия и упал на пятую точку опоры.

Но когда он снова настиг ее, выкрутиться она не смогла. Он схватил ее за обе руки, потащил в гостиную, но повалил на пол прямо в прихожей.

– Шлюха!.. Шлюха!.. – в иступлении бормотал он, стягивая с нее колготки.

Яна сопротивлялась, но Вильям, как оказалось, был гораздо сильнее, чем она. Она исцарапала ему лицо, но это лишь еще больше распалило его... Она закричала, но он закрыл ей рот ладонью. Она укусила его за палец, и он вlepил ей за это пощечину.

– Сволочь! Подонок! Ненавижу!..

– Молчи! Сука!

Он снова закрыл ей рот, но так, что укусить его за палец она не могла. Тогда она попыталась оттолкнуть его ногами, но от этого он еще только плотнее притерся к ней...

В конце концов она почувствовала тупую разрывающую боль. Сильные безумные толчки, хрипы, стоны... Мерзко, больно...

Вильям забился в какой-то непонятной агонии, когда за его спиной открылась дверь, и в прихожую вошли какие-то люди. Мужчина и женщина...

– Вильям! Что ты делаешь? – грозно спросил мужчина.

– Вильям, сынок, откуда здесь эта шлюха? – истерично возопила женщина.

Вильям оторвался от Яны, запрыгал на одной ноге в попытке натянуть спущенные штаны.

Несмотря на боль, поднялась на ноги и Яна. Не обращая внимания на его родителей, наотмашь ударила его ладонью по щеке.

– Сволочь! Подонок!

– Вильям! Что эта шлюха себе позволяет! – обморочно

закатывая глаза, взвизгнула женщина.

Но Яна не обращала на нее внимания. Оправив юбку, она сунула голые ноги в полусапожки, сняла с вешалки свое пальто и, толкнув по пути мужчину, выскочила из квартиры. Она знала, куда идти...

* * *

Лиза не скрывала своего злорадства.

– Это ты правильно сделала, подруга! Совершенно правильно! Таких подонков надо учить!.. Сама жалею о том, что не поступила точно так же!..

Яна не знала, о чем жалела она, но сама жалела о том, что поступила так, как подсказала ей женская обида. Не надо было писать заявление в милицию, проходить через унижения судмедэкспертизы. Будет возбуждено уголовное дело, Вильяма вызовут в милицию или даже арестуют...

Не хотела она никому говорить о своем позоре. Но прав был дознаватель, с которым она разговаривала. Рано или поздно об инциденте узнают все. И это случилось рано. Непонятно, кто принес позорную новость на своем хвосте, но она уже у Лизки на языке.

– О чем ты жалеешь?

– Ну, он же меня тоже изнасиловал!

Яна ничего не сказала, но так выразительно посмотрела на Лизу, что ее проняло.

– Да, изнасиловал! У себя на квартире!..

Яна продолжала смотреть на нее не мигая.

– Ну, не то чтобы силой взял... Напоил допьяна и воспользовался слабой женщиной... Надо было тоже заявление написать. Недодумалась... А ты молодец, ты догадалась... Что там у вас было? Кинушку смотрели, да, коньяк пили?.. Правильно сделала, что дала ему...

– Он. Меня. Изнасиловал.

– Ну да, изнасиловал, кто спорит. Но это для протокола, правда. Но мы-то знаем, как все было... Кино у него волшебное, возбуждает – ух как... А то, что заявление написала, правильно. Он бы на тебе никогда не женился, я-то знаю. А так ты его к стенке припрешь. Изнасилование да еще несовершеннолетней – это не хухры-мухры. Он на тебе женится, а ты забираешь заявление. Умно. Так ему, подонку, и надо...

– Он на мне не женится, – сквозь зубы сказала Яна.

Лиза бесила ее своими умозаклечениями. Как будто она для того заявление писала, чтобы Вильяма на себе женить. Даже не думала об этом.

– Женится. А нет – пусть в тюрьму садится, там ему мало не покажется... Вот увидишь, женится он на тебе, деваться ему некуда...

– Не женится. Потому что я не хочу за него замуж.

– Да ладно, кто тебе поверит? – колко усмехнулась Лиза. – Я хоть и дура, но кое-что в этих делах понимаю. А дура, потому что заявление написать не догадалась... А я его на дру-

гом поймаю! Я беременна от него!.. Э-э, как же нам быть, Яночка? Ты замуж за него выйдешь, а я ребенка от него рожу. Как жить будем?.. Придется тебе подвинуться... Или ты тоже от него родишь? Вот незадача... Но ты не волнуйся, я обязательно что-нибудь придумаю...

– Да пошла ты, дура! – вскипела Яна.

Но из комнаты вышла сама. Пока не стемнело, отправилась в милицию. Ее не пугало предстоящее разбирательство с влиятельными родителями Вильяма, которые обязательно встанут на защиту своего выродка. Она готова была постоять за себя, она хотела наказать обидчика. Но ее коробило от выводов, которые сделала подлая и коварная Лиза. Дудки! Не для того Яна заявила в милицию, чтобы женить на себе насильника. И пусть Лиза рождает от Вильяма ребенка, пусть предъявляет права на него самого. А Яна умывает руки. Хватит с нее!..

Дознаватель, который взял на себя ее дело, был на месте. Это был молодой лейтенант с мудро-веселым взглядом.

– А-а, Китайцева! А мы как раз решение принимали, уголовное дело возбуждать будем...

– Не надо, я передумала, – не глядя ему в глаза, виновато сказала Яна. – Заявление забрать хочу...

– Что ты передумала? Парня зазря в тюрьму сажать передумала?

– Зазря? Почему зазря?

– Да потому что не было ничего. Родители его утвержда-

ют, что застали вас в постели. Соседи видели, как они в квартиру заходили, как ты выбегала, тоже видели. Пристыдили тебя его родители, поэтому ты убежала... Сама же в постель напросилась, да?

– Да как вы смеете! – возмутилась Яна.

– Прибереги эмоции для своей мамы, – усмехнулся лейтенант. – А меня этим не прошибешь. Я здесь таких видел...

– Каких?

– Таких!.. Заявление забираешь?

– Да.

– А ты думаешь, это так просто?

– Не знаю...

– Твоему заявлению ход дали. Предварительное расследование проведено, выводы сделаны...

– И что, нельзя забрать?

– Можно. Я разрешаю. Но только из уважения к родителям потерпевшего... В смысле подозреваемого... Садись, пиши объяснение. Так, мол, и так, в половую связь с гражданином Крупнышевским вступила по собственному желанию... Нет, сама совратила его...

– Не совращала я его! – возмутилась Яна. – И собственного желания не было.

– Тогда заявление у нас останется. И он за совращение несовершеннолетней отвечать будет... Заявление зарегистрировано, заключение судмедэкспертизы подшито...

– Хорошо, я его совратила... – чувствуя, как на глаза на-

ворачиваются слезы, кивнула Яна.

Сейчас она хотела только одного: чтобы весь этот ужас поскорее закончился.

Она написала объяснение и только тогда забрала заявление... В институте уже знали, что ее изнасиловали – недавний разговор с Лизой яркое тому подтверждение. На нее будут показывать пальцем, за глаза называть шлюхой. Но ничего, она переведется в Куйбышевский пединститут. Не приняла ее Москва, но и черт с ней...

Яна выходила из здания РОВД, когда ей на пути попался смутно знакомый мужчина в дорогом кожаном пальто.

– Китайцева? – останавливаясь, спросил он. – Яна?..

Она узнала его. Это был отец Вильяма. Средних лет, статный, немного полноватый мужчина. Редкая благородная седина, крупные и четко выверенные черты породисто-холеного лица. Интересный мужчина. Он смотрел на нее с неприязнью, но вместе с тем и с каким-то тайным интересом.

– Да.

– Здравствуй. Меня зовут Филипп Михайлович. Я – отец Вильяма. Да ты, смотрю, узнала меня. Однажды мы уже виделись...

Он ждал, что Яна смутится. И не ошибся в своих ожиданиях. Вины своей она перед ним не чувствовала, но ей было стыдно вспоминать, при каких обстоятельствах они однажды виделись.

– Я как раз собирался с тобой встретиться, поговорить, но

раз уж мы здесь... – Он взял ее под руку, отвел в сторонку.

– Что вам нужно? – робко спросила она.

– Ты сама должна понимать, что мне нужно. Я хочу помочь своему сыну...

– Он сам во всем виноват.

– В чем он виноват? В том, что ты пришла к нему на квартиру?

– Я просила его не приставать...

– Если ты просила его об этом, значит, ты допускала такую мысль, что он будет приставать. И все-таки пошла с ним...

– Но это же не значит, что меня можно насиловать.

– Не значит. И насиловать нельзя. Вильям поступил неправильно, этого я отрицать не могу. Но и ты способствовала ему. Вы вместе смотрели низкопробное кино... Ты понимаешь, о чем я говорю.

– Я понимаю. Но кино не смотрела. Я сразу сказала, чтобы он выключил...

– Ладно, хорошо, Вильям виноват. Заявление ты написала, будет возбуждено уголовное дело. Но все можно повернуть назад. Ты можешь забрать заявление...

– Могу.

– Вот и забери... Сколько ты за это хочешь?

– Что – хочу?

– На семейном совете мы решили, что можем заплатить тебе... э-э... пять тысяч рублей будет достаточно?.. Я даже могу помочь тебе с очередью на машину...

– То есть вы хотите меня купить? – раззадорилась Яна.

– Именно. Ты же для этого заявление подала... Или ты хочешь, чтобы Вильям на тебе женился?..

– Видеть я не хочу вашего недоношенного сына! – выпалила она. – И деньги мне ваши даром не нужны!.. А заявление я уже забрала! Вот оно!

Яна вытащила из кармана пальто злополучный листок бумаги, порвала его на четыре части, обрывки сунула в руку слегка растерявшемуся Филиппу Михайловичу. И, резко повернувшись к нему спиной, торопливым шагом направилась к остановке. Ей некуда было спешить, но ей хотелось поскорее убраться из жизни этого человека. Она не хотела видеть ни его, ни тем более Вильяма...

* * *

Декан факультета смотрела на Яну с пониманием.

– Подонки были всегда. Есть. И будут, – с чувством и расстановкой сказала она. – Но ты не должна... Нет, ты не имеешь права ломать из-за них свою судьбу...

– Я не ломаю. Я всего лишь хочу перевестись в другой институт.

– И там ты забудешь о том, что произошло?

– Нет.

– То-то же...

– Но там другие не будут знать...

– Это иллюзия, Китайцева. Рано или поздно кто-нибудь наведет справки, все равно узнают. Может, даже огласке это дело предадут...

– Неужели такое может быть?

– Сволочей, Китайцева, везде хватает... Везде. И даже у нас. Но здесь тебе точно добра желают. Во всяком случае, во мне ты можешь не сомневаться...

– А то, что пальцем на меня показывать будут?

– Показывают?

– Нет... Пока нет...

– И не будут показывать... Ты же забрала заявление. Инцидент исчерпан... А то, что было с тобой, так об этом скоро забудут... У нас же девушки в основном учатся. Это может случиться с каждой. И все это прекрасно понимают... Иди, Китайцева, учись...

– Но мне нужно...

– Все, Китайцева. Все! Не дури голову – ни себе, ни людям!..

– Но я настаиваю...

– Если настаиваешь, то дня через три приходи. Тогда и поговорим... А сейчас – все, свободна!

В глазах у декана – материнская теплота, но голос начальственно резкий, студеный. Из ее кабинета Яна выходила с чувством, будто побывала под ободряющим холодным душем. И мир перед глазами просветлел, и на душе полегчало.

Но очень скоро на нее выплеснули ушат с навозной жи-

жей. И это, конечно же, сделала дражайшая «подруга». Лиза пропадала невесть где четыре дня, на занятия, на последнюю в этот день пару, заявила с таким видом, будто этим делала великое одолжение всем, начиная от рядового студента и заканчивая министром образования. Всю лекцию не обращала на Яну никакого внимания. Впрочем, как и на преподавателя. Не до учебы ей было, видно, после веселой ночи неважно себя чувствовала – дремала, носом клевала, а в тетрадке рукой «кривую засыпания» выводила. Зато после занятий проснулась. Догнала Яну по пути в общежитие.

– Как настроение?

Ее радушная улыбка была всего лишь видимостью, за ней скрывалось жало злобной осы.

– Ничего, – в предчувствии неприятного момента зябко пожала плечами Яна.

– Заявление, говорят, забрала...

– Кто говорит?

– Неважно... Договорилась с Вильямом? На чем сошлись?

– Тебе обязательно это знать?

– Ну, интересно... Замуж он тебе предложил или деньгами откупился?

– Ничего такого. Просто забрала заявление...

– Я бы подумала, что ты врешь, если бы не знала тебя. Но я-то тебя знаю... – злорадно усмехнулась Лиза. – Не поимела ты Вильяма. Он тебя поимел, а ты его нет... А может, тебе понравилось?..

– Что понравилось?

– Ну, как он тебя имел...

– Дура ты!

– Я дура?.. Да нет, дорогая моя, дура – это ты... Я бы даже сказала, клиническая идиотка... Хотя, если тебе понравилось под Вильямом, тогда я тебя понимаю. Тогда ты не дура, тогда ты умница. Человек тебе удовольствие доставил, а ты его в тюрьму. Нечестно так... Слушай, а хочешь, я тебя с парнем одним познакомлю. Ну, роман с ним не обещаю, он не любитель сложных отношений, но бурную ночь гарантирую...

– Дрянь!

Яна не была сторонницей выяснения отношений посредством силы, не тому она собиралась учить своих учеников. И сейчас она вовсе не собиралась набрасываться на Лизу с кулаками, но руки сами вцепились ей в волосы.

– Пусти!

Вырываясь, Лиза сама – сначала одной рукой, затем второй – схватила ее за волосы. И неизвестно, сколько бы они стояли, вцепившись друг в друга, если бы не Егор.

– Что за шум, а драки нет?

Лизе он сделал больно, отчего она разжала руки. А Яну просто легонько похлопал по плечу, чтобы она отпустила Лизу.

– Ну и что вы не поделили? – спросил он, но нарвался на грубый ответ.

– Да пошел ты! – смахивая рукой слезы с глаз, накричала на него Лиза. – И ты пошла, сука!..

Хлюпнув раскрасневшимся носом, она резко повернулась к ним спиной и спешной порывистой походкой пошла прочь. Обычно она зазывающе виляла бедрами, но сейчас этого не было. Не до того ей, чтобы соблазнять мужчин.

– Ну и что здесь у вас было? – обращаясь к Яне, укоризненно покачал головой Егор.

– Что надо, то и было...

– Живете, как кошка с собакой. И, наверное, до сих пор в одной комнате?

– В одной, – обреченно кивнула Яна.

– Я бы на твоём месте переехал в другую комнату? Ну, после того, что было...

– А что было?

– Ну, эта история с тобой... когда мы в постели, а она к нам ворвалась... И ещё другая история была...

Яна пытливо посмотрела на Егора. Догадывается он, о чем речь, или нет?

– Э-э, что-то слышал... – в растерянности почесал он за ухом. – Но Лизка-то здесь ни при чем...

– Что ты слышал?

– Ну, говорили, что там у тебя это... ну, с милицией там что-то... Заявление ты подавала... Ну, короче, козел там какой-то... В общем, сама знаешь...

– Знаю. И не только я знаю. Мне уже мужчину предлагают,

на одну бурную ночь. Как будто я проститутка какая-то, – едва сдерживая слезы, всхлипнула Яна.

– Это кто такое предлагает? Лизка?! Да, повезло тебе с этой стервой... Ну, что мужчину она тебе предложить может, в этом я не сомневаюсь. Гуляет как последняя... Ладно, пусть гуляет, но тебя-то чего унижать... Ты сейчас куда? В общагу?

– Да... То есть нет...

Она не хотела идти в комнату, где могла находиться Лиза.

– Понятно, эту видеть не хочешь... Надо тебе вопрос с переводом в другую комнату решать... Знаешь, я с комендантом поговорить могу, мы с ним в хороших отношениях...

– Не надо, – мотнула головой Яна. – Я все равно уезжаю. Домой.

– А как же учеба?

– Там тоже пединститут есть, переведусь.

Теперь она точно знала, что сделает все, чтобы перевестись в Куйбышевский пединститут. И никакие уговоры не помогут.

– Так, понятно, – нахмурился Егор. – Из-за Лизки?

– Да нет, – пожала плечами Яна.

– Ну что нет, если да. Она тебе покоя не дает... ну, после этого... Сама ша-ла-ла, хочет, чтобы и ты такой же была... А ты не обращай на нее внимания...

– Не могу.

– Хочешь, я с ней поговорю? И с другой комнатой вопрос

решим...

– Тебе-то какое дело до меня? – Она с подозрением взглянула на Егора.

Может, и он хочет записаться в соискатели на одну-единственную бурную с ней ночь?

– Да так... Жалко мне тебя... – замялся он. – Да и нравишься ты мне... Помнишь, ты говорила мне, что в милицию заявишь. Я не знал, шутишь ты или нет. А ты не шутила... Хорошо, что мы тогда не согрешили, да?

– Не знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.